

ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
Н.А. ЛАКОБА

НЕСТОР

Альманах

№ 1

Сухум, 2022

УДК 93/94(050)
ББК 63.3(5Абх)6я54
Н 56

Главный редактор: С.З. Лакоба

Редакционная коллегия: Л.В. Магия, Н.Д. Ашуба,
А.Я. Дбар (отв. секретарь),
А.Р. Латария

НЕСТОР. Альманах. № 1. Сухум, 2022. – 64 с.

Г/р 978-5-111-10022

«Нестор» – альманах Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба, в котором публикуются историко-публицистические материалы по абхазской тематике, в основном, 20–30-х гг. XX века.

© Историко-мемориальный музей Н.А. Лакоба, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	4
С. Лакоба. Абхазия, ее лидеры и некоторые особенности социального эксперимента (20–30-е гг. XX в.)	5
Известные люди о Несторе Лакоба	14

Воспоминания

Н. Мандельштам. Воспоминания (глава из книги)	19
А. Пирождкова. Годы, прошедшие рядом (1932–1939) (фрагменты)	24
И. Званбая-Капба. О моей семье и не только	35

По страницам книг, газет и журналов

Рабочим Петрограда с Кавказа	38
В. Пачулиа. Сергей Есенин в Сухуме	39
С. Лакоба. Есенин в Абхазии	42
Лауреат Нобелевской премии Андре Жид в Абхазии в 1936 году	43
Д. Рейфилд. Сталин и его подручные (фрагменты из книги)	44

Письма

Два письма К.Д. Мачавариани Нестору Лакоба	48
--	----

Забывтое имя

Берзения Герасим Константинович (1897–1937)	51
Хроника	53
Новые книги	59
Фотоархив	63

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Дорогие читатели!

Предлагаем Вашему вниманию альманах «Нестор», который посвящен истории и культуре Абхазского государства, ярким политическим фигурам XX столетия, роли личности в новейшей истории, деятелям литературы, искусства и науки этого динамичного, своенравного и противоречивого периода – со своими особенностями и недостатками.

Редакция предполагает освещать людей и события не в черно-белом изображении, а в многоцветной палитре, живописью которой была насыщена жизнь самобытной Абхазии, обратившей на себя внимание известных поэтов, писателей, деятелей кино, архитекторов, музыкантов, художников, режиссеров.

Это было поистине «конструктивистское» время.

Альманах «Нестор» будет включать рубрики: воспоминания; письма; архивные документы; по страницам газет и журналов; забытые имена; хроника; новые книги; фотоархив и др.

Надеемся, что ежегодный, небольшой по объему альманах историко-публицистического характера, привлечет внимание читателей, особенно молодежи нашей многонациональной страны.

В заключение, хотим напомнить, что уже несколько лет функционирует сайт Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба, который можно найти по адресу: <http://lakobamuseum.ru/>

Сухум, 30 октября 2022 г.

С.З. Лакоба

АБХАЗИЯ, ЕЕ ЛИДЕРЫ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА (20–30-е гг. XX в.)

Вспоминается одна из бесед с Г.А. Дзидзария, моим научным руководителем. «Есть интересные сведения, – сказал он. – К концу жизни Эшба и Лакоба наладили отношения».

Прошли годы и эти слова нашего выдающегося историка нашли свое подтверждение. В 1989 г. Владислав Ардзинба, будучи народным депутатом СССР, получил доступ к архиву КГБ и ознакомился с целым рядом документов 30-х годов о Ефреме Эшба, Несторе Лакоба, Сарии, Рауфе... Копии этих материалов Владислав Григорьевич передал мне, и они частично вошли в мою книгу «Очерки политической истории Абхазии», вышедшей в Сухуме в 1990 году. Было решено отдельно издать архивные выписки, но началась война и копии, которые хранились у меня в кабинете в АБНИИ, сгорели. Недавно эта потеря была восполнена. К счастью, оригинал этих записей сохранился в Фонде Первого Президента, и они были любезно предоставлены Светланой Ирадионовной Джергения восстановленному Историко-мемориальному музею Н.А. Лакоба.

Выборочно эти московские документы вместе с большим семейным архивом Марины Ефремовны Эшба легли в основу книги «Ефрем Эшба», изданной в 1997 году¹.

По выпискам, сделанным В. Ардзинба, становится известно, что Эшба неоднократно бывал в Абхазии в 1928, 1930, 1934, 1936 годах. По словам самого Е. Эшба, с «Н. Лакоба в это время [1934 г.] у меня снова восстановилась дружба» (А. 39). Нестор тогда «подчеркнуто указывал, что в Абхазии меня (т.е. Эшбу), как троцкиста ни разу ни в одном районе не “прорабатывали”». Таким образом Лакоба «старался не подрывать моего авторитета...»².

¹ И. Марыхуба. Ефрем Эшба. Сухум, 1997.

² Там же.

Вообще здесь необходимо отметить, что отношения между двумя лидерами были различные: от очень теплых в 1918 – начале 1921 года до довольно сложных. Историкам еще предстоит выяснить истинные причины расхождений, которые лежат не столько в сфере их личностных отношений, сколько связаны совершенно с другими факторами традиционной народной жизни, пришедшими в противоречие с законами классово-борьбы...

Недавно известный юрист и общественный деятель Абхазии Г.Н. Колбая опубликовал пространную статью о поездке Эшба и Лакоба в Турцию. Становится известно, что в письме к соратнице Ленина Е.Д. Стасовой от 10 декабря 1920 г. Эшба настоятельно рекомендует направить Нестора на дипломатическую работу, советским консулом в Трапезунд. Вот какую характеристику дает ему Ефрем Эшба: «...Смело могу вас уверить, что человека, который с такой ловкостью и тактом мог ориентироваться в местных условиях, как т. Лакоба, трудно у нас найти. Серьезный, с большой инициативой, партийный товарищ, великолепно усваивающий, с кем имеет дело, хорошо понимающий условия жизни восточных народов, в особенности здесь, досконально усвоивший политическое положение, – более подходящего кандидата в консулы трудно подыскать»¹.

Но вернемся к 36 году, который стал трагическим для всех троих руководителей Ревкома Абхазии. В феврале Ефрем Алексеевич приехал на похороны брата в Очамчиру, и там узнал об аресте Николая Акиртава, который 21 марта был осужден НКВД СССР. Тогда же, весной 1936 г. Н. Лакоба приехал в Москву. С Эшба они встретились 3 апреля и проговорили всю ночь. Позднее Ефрем Алексеевич показывал на допросе: «...За 8 дней до моего ареста [11 апреля 1936 г.] Лакоба был у меня на квартире в Москве и провел все время почти до утра – он сознался, что Берия, в интригах против него, добился больших успехов, он чувствует растущее недоверие к нему со стороны Сталина. Берия он поносил всячески, называя его выскочкой, очень опасным интриганом» (А. 43).

¹ Акѡа-Сухум. 2017. № 1–2. С. 80.

О сложных отношениях этого периода свидетельствует и большое письмо Лакоба Сталину от 1 апреля 1936 г., с которым Нестор обратился к вождю, находясь в Москве, за два дня до встречи с Эшба. Оно написано убористым почерком, карандашом, на семи листах с пометкой «Только лично» – и с резолюцией: «Мой архив. И. Ст.».

В том же роковом 36 году Председатель ЦИК Абхазии Нестор Лакоба записал в своем служебном блокноте: «Человеку дарованы два блага: надежда и неведение будущего. Последнее еще лучше первого». Эти слова оказались пророческими.

В самом конце 36-го Нестора не стало, а арестованные на тот момент Н. Акиртава и Е. Эшба, ненадолго его пережили. Через 15 лет им отомстили за курс Абхазии на независимость и самостоятельность.

У Эшба и Лакоба было немало общего в биографиях. Оба родились в 1893 году, рано вступили в партию большевиков: Нестор в 1912, Ефрем – в 1914-м. В связи с революцией 1917 г. Эшба не завершил учебу на юридическом факультете Московского университета, а Лакоба – на юрфаке Харьковского университета.

Были и отличия. Ефрем с юности хорошо играл на кларнете, а Нестор виртуозно играл в бильярд. Лакоба прекрасно говорил на абхазском, хорошо знал русский, свободно общался на турецком и слабо владел немецким. Эшба хорошо владел русским, говорил на английском, знал грузинский и мегрельский и плохо родной абхазский, по поводу чего очень сокрушался. Ефрем был приближен к Ленину, Нестор – к Сталину. При этом оба ценили Троцкого. Эшба был ближе к «теоретикам» партии (Ленин, Бухарин, Каменев), а Лакоба – к «практикам» (Сталин, Дзержинский, Рыков, Орджоникидзе). Между прочим, Троцкий назвал Нестора «человеком большого мужества и практического ума».

Ефрем был приверженцем классовой борьбы, верил в идеалы марксизма-ленинизма; Нестор был меньшим коммунистом и больше народным лидером, крестьянским самородком, который следовал вековым традициям и обычаям, пытаясь приспособить к ним (а не наоборот!) новые революционные и социальные преобразования.

В действительности Лакоба и Эшба, несмотря на отдельные разногласия, действовали в интересах Абхазии и дополняли друг друга. Так, в начале 1921 г. Эшба выступил инициатором независимости Абхазии при поддержке Ленина. Его единомышленниками были Лакоба и Акиртава. Несомненная заслуга Эшба состоит в том, что ему удалось тогда, несмотря на противодействие Сталина и Орджоникидзе, переломить ситуацию в пользу провозглашения независимой ССР Абхазия, т.е. еще до образования СССР. Достаточно вспомнить полный драматизма разговор Эшба с Орджоникидзе по прямому проводу (перед поездкой в Батум), в котором Председатель Ревкома Абхазии очень жестко повел себя в вопросе будущего республики.

Однако, грузинские вожди в дальнейшем саботировали это решение, а Ленин, в результате болезни, вынужден был считаться с грузинским лобби, которое имело гораздо большее на него влияние, чем Ефрем Эшба. Сталин, набравший силу в Кремле, отдавал явное предпочтение Нестору, с которым его сближали даже некоторые факты биографии.

Оба росли без отца, учились в Тифлисской духовной семинарии, оба исключены из нее, участвовали как боевики партии в налетах и экспроприациях...

Ставка, сделанная на Лакоба, оказалась верной, что отчетливо проявилось в 1924 г., когда Троцкий задержался в Абхазии на два с половиной месяца, не приехав на похороны Ленина, и тем самым, потеряв власть. Опекал все это время Троцкого Нестор, а Сталин еще больше укрепил свои позиции в Кремле. Расположение нового вождя было с лихвой использовано Лакоба на благо экономического и культурного развития республики. Не случайно с 1921 по 1931 год Абхазия на фоне повсеместной разрухи и голода в СССР казалась благополучной «табачной» и курортной республикой. Вообще в течение 15-ти лет (1921–1936 гг.), несмотря на различные пертурбации, понижение статуса – Абхазия, вплоть до гибели Нестора, была фактически на положении привилегированной республики.

Отношения Сталина с Эшба были прямо противоположными. И останься он у власти в Абхазии после 1922 г., не составит особого труда предположить, как бы это сказалось на Абхазии...

Период правления Лакоба явно отсрочил ряд драматических событий, что наиболее выпукло проявилось в подходах к вопросу коллективизации.

В 1930 г. Сталин отдыхал на даче «Холодная речка», близ Гагры. Вместе с ним были Серго Орджоникидзе и Нестор Лакоба. Они сидели на веранде. К ним присоединился и приехавший из Кабарды Бетал Калмыков. Позднее, в 1932 г. Орджоникидзе рассказал об этой встрече Ефрему Эшба, а тот пересказывал своим друзьям чеченцам.

«Калмыков, желая поддеть Лакоба при Сталине, спросил: “А скажи, Нестор, какой у тебя процент коллективизации?”. Лакоба не понравился вопрос... Он буркнул: “60% “. “А у меня – 95%”, – с торжествующими нотками в голосе сказал Бетал Калмыков. Лакоба долго молчал. И вдруг задал Беталу вопрос: “А сколько людей ты расстрелял, пока добился таких процентов?” Орджоникидзе засмеялся, Сталин улыбнулся. Смущенный Бетал ответил: “Ну, человек двести...” А Лакоба поднял голову и торжествующе сказал: “А я ни одного...”»¹.

В вину Нестору вменялось и то, что он, по словам Сталина, «опирается на все слои абхазского населения». Не было исключением и княжеско-дворянское сословие, тесно связанное с абхазским крестьянством «молочным родством» (аталычество). Некоторым нуждающимся князьям он даже выплачивал денежные пособия, в то время как их преследовали по всему Союзу. Приведу один пример. Нестор, вопреки импульсам, исходившим из Тифлиса и Москвы, рискуя политической репутацией, не шел на репрессии против князей и дворян. Однажды, перед отъездом в Москву, опасаясь возможного кровопускания в его отсутствие, он иносказательно наставлял прокурора Абхазии Алшунба: «Помни, что помимо большой дороги, есть еще и тропинки...» (По свидетельству юристов Л. Черкезия и Г. Колбая).

¹ См.: Марыхуба И. Ефрем Эшба. Сухум, 1997. С. 398.

Об этом в своей исторической поэме «Нестор и Сария» очень емко сказал поэт Семен Липкин:

Он все любил в своем родном народе:
Обычай, и эпос, и князей,
Которых он оставил на свободе
И как бы превратил в живой музей.
Он выселял абхазцев с неохотой,
Кулак уничтожался разве сотый.
И то, коль Нестор к стенке был приперт,
Он был в своей приверженности тверд,
Абхазия была его работой...

В 1929–1930 гг. социально-экономическая и политическая обстановка в Абхазии резко обострилась. Это было связано с неподготовленностью почти сплошь крестьянской республики к «великому перелому» (1929 г.) – переходу к сплошной коллективизации. Внутренняя оппозиция и оппоненты Н. Лакоба обвиняли его в том, что он переоценивает особенности республики, придерживает темпы роста коллективизации. Лакоба и не скрывал, что он против такой коллективизации, говорил, что здесь нет кулака как класса...

В своем письме от 19 октября 1929 г. Сталин пожурил Нестора за не вполне большевистскую политику, который, помимо прочего, «находит возможным иногда не подчиняться решениям обкома». Можно себе представить, какое обвинение было брошено Нестору вождем. Партия управляет СССР, а Лакоба иногда не подчиняется ее решениям!

Вместе с тем, неожиданно для всех, Сталин обрушился на местный обком партии, который «не учитывает специфических особенностей абхазского уклада, сбиваясь иногда на политику механического перенесения русских образцов социалистического строительства на абхазскую почву»¹.

¹ Куправа А. Из истории абхазской традиционной культуры. М., 1998. С. 107–108.

Таким образом, Сталин поддержал Нестора, и тот значительно упрочил свою власть и авторитет.

Придерживая курс сплошной коллективизации, Нестор растянул ее во времени, смог избежать человеческих жертв, и она, в отличие от других районов СССР, завершилась не в первую пятилетку (к 1933 г.), а к концу второй пятилетки (после его смерти, в 1937 г.). В Абхазии внедрялись лишь низшие формы кооперации – поселковые товарищества; организовывались ТОЗы – товарищества по общественной обработке земли. Главным же достижением при Несторе был мирный характер коллективизации, здесь не было лозунга ликвидации кулачества как класса, а критерии определения кулацких хозяйств были другими. Не применялись репрессивные меры и административное выселение, как это практиковалось по всему Союзу.¹

Не прошел мимо этой проблемы и Ефрем Эшба, который в августе и ноябре 1930 г. побывал в Абхазии и оставил свои беглые заметки «О Ткварчелах, колхозах и бандитах»². Он отмечает, что «нет никакого сомнения, что в Абхазии достигнуты большие успехи как в культурном отношении, также и в экономике...». Однако считает, что республика готова к коллективизации, просто этот процесс дискредитируется властями и частью крестьянства. Он пишет: «Чепуха – разговоры, будто особые условия абхазского крестьянства ставят непреодолимые препятствия колхозному строительству. Об этом говорил мне один “из больших” людей в Сухуме».

Один из стариков отвел Эшба в сторону и спросил: «Скажи правду, хорошее дело колхоз или нет?» Получив ответ: «Да, хорошее и необходимое», он дальше: «Но нельзя ли обойтись, чтобы нас оставили жить по отдельности, и не заставляли селиться в кучу, как в России?»

Здесь же были разговоры об общем огромном одеяле, под которым колхоз будет спать, об общности жен... А как же быть с гостеприимством и оплакиванием, спрашивали крестьяне?

¹ См.: Куправа А. Из истории абхазской традиционной культуры. М., 1998. С. 109.

² Марыхуба И. Ефрем Эшба. Сухум, 1997. С. 357–359.

Один из них спросил у Эшба: «Неправда ли, что Лакоба поехал в Тифлис и добился для Абхазии отмены колхозов?»

На основе этих разговоров и своих наблюдений Ефрем Алексеевич приходит к выводу: «вопрос о колхозах в Абхазии стоит еще во весь рост неразрешенным». О своих впечатлениях он рассказал Нестору при встрече в Гагре, но тот был раздражен тем, что Эшба направил в Тифлис письмо о своем взгляде на коллективизацию.¹

Положение в Абхазии в 1930 г., по выражению Эшба, было «резко антиколхозное», что и привело в феврале 1931 г. к Дурипшскому сходу...

Завершая свое выступление, хотелось бы отметить несколько судьбоносных для Абхазии и ее народа решений, которые оказались стратегическими и сыграли историческую роль, спустя десятилетия после их принятия.

1). В сложнейшей обстановке в марте-апреле 1925 г. на III съезде Советов Абхазии Нестор Лакоба принимает Конституцию ССР Абхазия и провозглашает республику (ст. 5) суверенным государством. Это казалось невероятным – только что в 1924 году была принята Конституция СССР, в которой Абхазия значилась как автономная республика. После этого началась страшная атака на Нестора и Абхазию, но принятая конституция просуществовала много месяцев. В не менее сложное время: 23 июля 1992 года Верховный Совет Абхазии во главе с В. Ардзинба восстанавливает Конституцию суверенной Абхазии 1925 г., которая просуществовала в военный (1992–1993 гг.) и послевоенный период (до 26 ноября 1994 г.).

2). Благодаря прозорливости Нестора, коллективизация в Абхазии не была проведена в ее жестких формах. Крестьянство, как основа народа, было сохранено. Благодаря этому во время грузино-абхазской войны, особенно на восточном фронте, который находился в блокаде, крестьяне, сельская община проявили стойкость и героизм.

¹ Там же. С. 126.

3). Что было бы с восточной Абхазией в годы грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., если бы в 20–30-е гг., при колоссальном противодействии Тифлиса, в горах не появился шахтерский город Ткуарчал? Только благодаря энергичным действиям Н. Лакоба, рядом с Гальским районом и Западной Грузией вырос крупный промышленный центр. Его важной экономической задачей была промышленная разработка каменного угля, формирование национальных кадров рабочего класса, стекавшихся сюда со всей Абхазии. Ставилась тогда и стратегическая задача: создать в Ткуарчале бастион, многонациональный укрепрайон Абхазии на пути картвельской колонизации и восточной экспансии. В 1992–1993 гг. блокадный Ткуарчал стал своеобразным военным центром восточной Абхазии, оказывая неоценимую инженерно-техническую помощь сельскому населению и фронту.

Выступление на круглом столе «Абхазия: трудный путь возрождения» (К 125-летию Н. Лакоба и Е. Эшба). Сухум. 27 марта 2018 г.

ИЗВЕСТНЫЕ ЛЮДИ О НЕСТОРЕ ЛАКОБА

Из воспоминаний Андрея Максимовича Чочуа

«Председатель Совнаркома Абхазии Н. Лакоба с большим уважением относился к Н.Я. Марру. Когда Марр бывал в Абхазии, Лакоба часто приглашал его к себе на обед или возил в какой-либо район Абхазии. Однажды Н. Лакоба позвонил мне в Наркомпрос и попросил передать Марру, что Сария (жена Лакоба) просит его вместе со мной сегодня к шести часам пожаловать на лоббио, приготовленное по-абхазски, с мясом. На обеде присутствовало трое абхазцев из Гудаутского района. Обед прошел на славу. Сария Лакоба, весьма интересная, умная женщина, мастерски приготовила все кушанья, радушно и сердечно угощала нас. К слову сказать, Николай Яковлевич очень любил абхазские блюда, в чем я мог убедиться, не раз имея удовольствие принимать его у себя дома. Нужно было слышать, с каким вкусом он произносил названия многочисленных абхазских кушаний, приготовляемых из различных сортов мяса и сыра. После обеда Н. Лакоба на своем «Мерседесе» повез всех на прогулку в Новый Афон.

Н. Марр очень хорошо отзывался о Н. Лакоба, считал его умным, талантливым и выдающимся руководителем Советской Абхазии. По инициативе Лакоба правительство Абхазии отпустило средства для напечатания работ Марра по абхазоведению в академической типографии Ленинграда. На эти средства здесь были изданы «Русско-абхазский словарь» (1926) и другие его работы. По просьбе Николая Яковлевича Лакоба распорядился отпустить на командировку в Турцию студентов В. Кукба и А. Хашба для изучения убухского языка шестьсот рублей, однако поездку удалось осуществить лишь первому из них».

Чочуа А.М. Избранные сочинения. Тбилиси, 1987. С. 101.

**Из интервью Президента Академии с/х наук академика
Н.И. Вавилова журналистам «Советской Абхазии»**

«Я должен отметить ту большую помощь, которую оказал тов. Лакоба в деле создания около Сухума отделения Ленинской Академии с.-хоз. наук в лице Всесоюзного института растениеводства... На примере маленькой Абхазии можно видеть, как быстро советская страна становится высококультурной, как быстро изменяется лик земли. Абхазское правительство, под просвещенным руководством уважаемого Нестора Аполлоновича Лакоба, всегда проявляло исключительное внимание к науке, всемерно привлекая всесоюзные научные учреждения и создавая свои научные исследовательские институты и станции в советской Абхазии».

Советская Абхазия. 4 июня 1932 г.

**Весной 1930 г. в очерке «Сухум» поэт
Осип Мандельштам писал:**

«В приемной Совнаркома я видел жалобщиков-крестьян. Старики-табаководы в черной домотканной шерсти похожи на французских крестьян-виноделов. У Нестора Лакобы – главы правительства – движения человека, стреляющего из лука... Это он привез медвежонка на автомобиле, получил медвежонка в подарок от крестьянского оратора на митинге в Ткварчелах. Слуховая трубка глухого Лакобы воспринимается как символ власти».

Мандельштам О. Записные книжки. Заметки // Вопросы литературы. 1968. № 4.

Из книги Зинаиды Рихтер, побывавшей в Абхазии в 1923 г.

«В Сухуме только в приемной Совнаркома можно получить представление о крестьянской самобытной Абхазии. К тов. Лакобе или, как его попросту крестьяне называют в глаза и за глаза, – к Нестору, идут со всяким делом, минуя все инстанции, в уверенности, что он выслушает и рассудит. Предсовнаркома Абхазии, т.Лакоба, пользуется любовью крестьян и всего населения».

Рихтер З. Кавказ наших дней. М., 1924.

**12 октября 1928 г. в Сухуме состоялась личная встреча
известной писательницы Мариэтты Шагинян
с Председателем Совнаркома Абхазии**

«Лакоба Нестор Аполлонович, абхазец, стоит во главе Абхазской республики. Это небольшого роста, глуховатый, как я, человек. Он напомнил мне почему-то ацтека. Это впечатление схожести с ацтеками потом усилилось и на других абхазцах. И кроме того их странный язык тоже напомнил мне странную речь ацтеков...»

Шагинян М. Дневники. 1917–1931. Л., 1932.

В 1933 г. знаменитый поэт Василий Каменский написал «Ткварчельскую поэму», которую потом назвал «Абхазия». Это своего рода репортаж с детища первой пятилетки республики, освоения Ткварчельского месторождения угля, инициатором которого был Нестор Лакоба.

...Богатства горного не счесть, –
Абхазии
Промышленная честь!
За этой честью
Смотрит в оба
Неугомонный вождь Лакоба,
Любимец Нестор,
Сын страны,
Чьи планы четки и стройны.

*Из Российского государственного архива литературы
и искусства.*

Из воспоминаний Одиссея Димитриади

«Когда я получил аттестат и принес отцу, он поздравил меня поцелуем в лоб и в подарок вручил греческий паспорт. Этот паспорт я имел 11 лет, с ним учился в Тбилиси и Ленинграде. И лишь в 1936 году, когда я работал в Сухуми, глава Абхазии Нестор Лакоба попросил сдать его во избежание неприятностей. Я отдал его Нестору Лакобе и через месяц получил советский. А

еще через месяц Лакоба был отравлен, и на траурной процессии мне пришлось играть похоронный марш со своим оркестром».

Наш Одиссей: Жизнь длиною в век Одиссея Димитриади. Афины, 2013.

Из воспоминаний Галины Серебряковой

«Серго познакомил меня с несколькими близкими ему людьми, удивительными, как и он, по внутренней безупречности и ясной идейной цели. Один из них был абхазец Нестор Лакоба, человек больших знаний, отличной партийной биографии, огромной воли и принципиальности. Он сразу же очень понравился мне проявленными в беседе чувством юмора, находчивостью, простотой обращения. Впоследствии я видела его много раз, жила в его семье в Сухуми и проникалась все большей симпатией и уважением к этому талантливейшему, строгому партийному руководителю, знавшему так много, что после каждой встречи я должна была учиться, читать, расспрашивать близких, чтобы разобраться в богатстве новых мыслей и сведений. <...>

<...> Не раз виделись мы с Нестором Лакоба, партийным руководителем Абхазии. Небольшого роста, глуховатый, с волосами серебристо-золотыми и все замечающими быстрыми глазами, он был интереснейшим собеседником и гостеприимнейшим хозяином. Я редко участвовала в беседах его и Блюхера, касавшихся значительнейших событий. Днем было тягостно жарко даже в тени могучих дубрав Нового Афона. Вечером мы купались в море, варили уху, катались на лодках, пели песни и читали вслух книги. Часто вечерами ездили в горы. Лакоба знал легенды и поверья своего края. Сидя у костра в вековом лесу на Военно-Сухумской дороге, мы часами слушали его размеренные рассказы, затем, укрывшись бурками, укладывались спать, чтобы встать перед рассветом и увидеть первые сигнальные огни восходящего солнца.

Серебрякова Г. О других и о себе: новеллы. М.: «Советский писатель», 1971. С. 64, 176–179.

В 1920 г. художник Александр Шервашидзе (Чачба) выехал в Англию, а затем во Францию...

Позднее, в 1924 г., режиссер Н. Евреинов писал по этому поводу поэту М. Волошину:

«Александр Константинович бежал из Грузии от меньшевиков, теснивших его друзей абхазцев, ныне большевиков, причем его провожал в Батуме сам тов. Лакоба –нынешний Предсовнаркома Абхазии».

Р.А. Шервашидзе-Чачба. Статьи, очерки, обзоры. Ставрополь, 2011.

Бабель о Несторе Лакоба

Во время командировок в Абхазию в 20–30-е гг. писатель Исаак Бабель неоднократно встречался с Нестором Лакоба. Между ними установились товарищеские отношения. Одна из таких встреч состоялась в 30-х годах. Жена писателя А.Н. Пирожкова в одном из своих писем вспоминала: «Мы выехали в Гагры в теплый солнечный день в открытой легковой машине. В Гаграх шли съемки “Веселых ребят”, и мы с Бабелем пропадали на них, смотрели, как снимают то Утесова, то Орлову, то как без конца бултыхается в воду очень милая актриса Тяпкина». Здесь же, в Гагре, в доме отдыха ЦИКа, состоялась встреча Бабеля с Лакоба. В одном из своих писем жена писателя рассказала: «Я не была знакома с Нестором Лакоба, но я видела его. Когда мы с Бабелем приехали в Гагры в 1933 году, должно быть в конце сентября или начале октября, Бабель мне сказал, что здесь сейчас Лакоба и он хотел бы с ним повидаться. Я помню, что мы вместе подошли к какому-то зданию, расположенному в парке, я осталась сидеть на скамейке перед входом, а Бабель пошел внутрь здания к Лакоба. Через какое-то время Бабель вышел вместе с Нестором. Он был небольшого роста... Мне кажется, у него был слуховой аппарат, от уха протянулся шнурок черный... Бабель попрощался с ним и подошел ко мне. О чем они говорили, Бабель мне не рассказывал, но у меня создалось впечатление, что они были знакомы и раньше.

Отзывался о Лакоба Бабель очень уважительно, сказал, что в Абхазии нет более примечательной личности, чем он».

Лакоба С. «Крылились дни в Сухум-Кале...» Сухуми, 1988.

Надежда Мандельштам¹

ВОСПОМИНАНИЯ

(Глава из книги)

Бытовая сценка

Ежова знал не только Бабель, но, кажется, и мы. Тот Ежов, с которым мы были в тридцатом году в Сухуме на правительственной даче², удивительно похож на Ежова портретов и фотографий 37-го, и особенно разительно это сходство на фото, где Сталин ему, сияющему, протягивает для пожатия руку³ и поздравляет с правительственной наградой. Сухумский Ежов как будто тоже хромал, и мне помнится, как Подвойский, любивший морализировать на тему, что такое истинный большевик, ставил мне, лентяйке и бездельнице, в пример «нашего Ежова», который отплясывал русскую, несмотря на больную ногу и даже назло ей... Но Ежовых много, и мне не верится, что нам довелось видеть легендарного наркома на заре его короткой, но ослепительной карьеры. Нельзя же себе представить, что сидел за столом, ел и пил, перебрасывался случайными фразами и глядел на человека, продемонстрировавшего такую волю к убийству, развенчавшего не в теории, а на практике все послышки гуманизма.

¹ Надежда Яковлевна Мандельштам (1899–1980) – писательница, мемуарист, жена поэта Осипа Мандельштама. – *Прим. ред.*

² Теперь документально установлено, что это был будущий глава НКВД. В то время (апрель 1930 г.) заместитель наркома земледелия, он в том же году оказался наверху партийного аппарата, став в ЦК заведующим Орграспредотделом. – *Прим. А.А. Морозова.*

³ Поздравляя с орденом Ленина – наградой «за выдающиеся успехи в деле руководства НКВД по выполнению правительственных заданий». Вручение ордена Ежову состоялось на специальном заседании Президиума ЦИК СССР 27 июля 1937 г. Тогда же «за успешную работу по укреплению революционной законности» орденом Ленина был награжден А. Вышинский. – *Прим. А.А. Морозова.*

Сухумский Ежов был скромным и довольно приятным человеком. Он еще не свыкся с машиной, и потому не считал ее своей исключительной привилегией, на которую не смеет претендовать обыкновенный человек. Мы иногда просили, чтобы он нас довез до города, и он никогда не отказывал. А там, на правительственной даче, этот вопрос стоял остро. На нашу горку все время взлетали машины абхазского Совнаркома. Дети отдыхающих работников ЦК отгоняли чумазую ребятню – детей служащих – от машин, которые принадлежали им по праву рождения от ответственных работников, и важно в них рассаживались. О. М.¹ как-то показал Тоне, жене Ежова, и другой цекистской даме на сцену изгнания чумазых. Женщины приказали детям потесниться и пустить чумазых посидеть в машине. Они очень огорчились, что дети нарушают демократические традиции их отцов, и рассказали нам, что их посылают в общие школы и одевают ничуть не лучше их товарищей, «чтобы они не отрывались от народа». Дети пока что готовились управлять народом, но многих из них ждала другая участь.

По утрам Ежов вставал раньше всех, чтобы нарезать побольше роз для молодой литературоведки, приятельницы Багрицкого, за которой он ухаживал. Вслед за ним выбегал Подвойский и тоже бросался резать розы для обиженной жены Ежова. Это был чисто рыцарский дар, как говорили жильцы правительственной дачи, потому что Подвойский – образцовый семьянин и ни за чьими женами, кроме собственной, не ухаживает. Прочие дамы, за которыми никто не ухаживал, сами украшали букетами свои комнаты и обсуждали романтическое поведение Подвойского.

Тоня Ежова – кажется, ее звали Тоней – проводила дни в шезлонге на площадке против дачи. Если ее огорчало поведение мужа, она ничем этого не показывала – Сталин еще не начал укреплять семью. «Где ваш товарищ?» – спрашивала она, когда я бывала одна. В первый раз я не поняла, что она говорит об О. М. В их кругу еще сохранялись обычаи подпольных времен, и муж в первую очередь был товарищем. Тоня читала «Капитал» и сама

¹ Осип Мандельштам. – *Прим. ред.*

себе тихонько его рассказывала. Она сердилась на бойкую и умненькую жену Косиора, потому что та ездила кататься верхом с молодым и нагловатым музыкантом, собиравшим абхазский фольклор¹. «Мы все знаем Косиора, – говорила Тоня, – он наш товарищ... А кто этот человек? Ведь он может оказаться шпионом!» Все осуждали легкомыслие Лакобы, поселившего на такую ответственную дачу чужого человека. Вероятно, присутствие любого беспартийного на этой даче вызывало толки среди «своих», но Лакоба ни с кем не считался, потому что дача принадлежала абхазскому Совнаркому, то есть ему. Я даже слышала толки, что пора централизовать распределение мест в партийные места отдыха...

Рядом с нами, в маленькой комнате третьего этажа, жил член ЦК старшего поколения, латыш и умный человек. Он держался со всеми осторожно и отчужденно и разговаривал только с О. М. Мы часто слышали тревожные нотки в его разговорах и недоумевали. «Четвертая проза» уже была написана, и мы знали, что с литературой дело обстоит плохо, но наш-то латыш литературой не занимался, он был просто одним из руководящих партийных работников, ни в каких уклонах его не обвиняли – откуда же тревога и непрерывно проскальзывавшая тема: что будет завтра? Больше о нем я ничего не знаю, но он не мог не участвовать в «Съезде победителей», и поэтому нетрудно догадаться, что с ним произошло²: задним умом мы все крепки.

По вечерам приезжал Лакоба поиграть на бильярде и поболтать с отдыхающими в столовой у рояля. Эта дача с избранными гостями была для него единственной отдушиной, где он мог

¹ К. Ковачем. О нем, об упоминаемом ниже «грузине, специалисте по радио» Ан. Какавадзе и других обитателях сухумской правительственной дачи («Дом отдыха им. Орджоникидзе») есть в подготовительных записях Мандельштама к «Путешествию в Армению» (см.: Вопр. лит. 1968. № 4. С. 185–188). – Прим. А.А. Морозова.

² Из 1966 делегатов «съезда победителей» (XVII съезд партии, январь-февраль 1934 г.) 1108 были уничтожены в ближайшие несколько лет. – Прим. А.А. Морозова.

поразвлечься и поговорить по душам. Однажды Лакоба привез нам медвежонка, которого ему подарили горцы. Подвойский взял звереныша в свою комнату, а Ежов отвез его в Москву в Зоологический сад. Лакоба умел развлечь людей интересным рассказом. Он рассказал нам про своего предка, который пошел пешком в Петербург, чтобы пригласить кровного врага, кажется, князя Шервашидзе, к себе в Сухум на обед. Шервашидзе решил, что это конец кровной вражды, и принял приглашение. За свое легкоеверие он был убит. На О. М. рассказ Лакобы произвел большое впечатление, ему послышался в нем какой-то второй план. Нам говорили, что в 37 году Лакобы уже не было в живых¹. Похоронили его на почетном месте, вроде абхазской Кремлевской стены, а Сталин, разгневавшись за что-то на покойника, велел вырыть его прах и предать уничтожению. Если этот вариант правильный, можно только порадоваться за Лакобу, что он вовремя успел умереть.

Это Лакоба пригласил нас на правительственную дачу, потому что мы приехали с бумагой ЦК отдыхать перед путешествием в Армению. Из писателей там были Безыменский и Казин, и оба чувствовали себя вполне на месте, чего нельзя сказать про нас.

В день смерти Маяковского² мы гуляли по саду с надменным и изящным грузином, специалистом по радио. В столовой собрались отдыхающие, чтобы повеселиться. По вечерам они обычно пели песни и танцевали русскую, любимую пляску Ежова. Наш спутник сказал: «Грузинские наркомы не стали бы танцевать в день смерти грузинского национального поэта». О. М. кивнул мне: «Пойди, скажи Ежову»... Я вошла в столовую и передала

¹ Н.А. Лакоба погиб 28 декабря 1936 г., отравленный Берией. Был похоронен с почестями на главной площади Сухуми. Летом 1937 г. пришло распоряжение: «гроб врага народа Лакобы выбросить из могилы, памятник уничтожить» (см.: Звезда. 1988. № 8. С. 156). – Прим. А.А. Морозова.

² 14 апреля 1930 г. «Общество, собравшееся в Сухуме, – записано у Мандельштама, – приняло весть о гибели первозданного поэта с постыдным равнодушием. В тот же вечер плясали казачка и пели гурьбой у рояля студенческие вихрастые песни». – Прим. А.А. Морозова.

слова грузина разгоряченному весельем Ежову. Танцы прекратились, но, кроме Ежова, по-моему, никто не понял почему... За несколько лет до этого, в 23 году, О. М. остановил Вышинского, громко смеявшегося и разговаривавшего, когда какой-то молодой поэт читал стихи. Это произошло в санатории Цекубу – Гаспре. Мы терпеть не могли санатории и дома отдыха, но изредка ездили туда, если уж совсем некуда было деваться. От них почему-то пахло смертью.

*Н. Мандельштам. Воспоминания. Москва: «Книга», 1989.
С. 308–310.*

Антонина Пирожкова¹

ГОДЫ, ПРОШЕДШИЕ РЯДОМ (1932–1939)

Фрагменты

<...> Бабель возвратился из-за границы в сентябре 1933 года. Он приехал один, без семьи. Я оформляла в это время свой уход со службы, чтобы после отпуска взяться за другую, более интересную для меня работу. Отпуск я собиралась провести в доме отдыха в Сочи. Узнав об этом, Бабель посоветовал мне воспользоваться свободным временем и поехать по Кавказскому побережью. Он сам захотел показать мне это побережье, Минеральную группу и Кабардино-Балкарию. Мы условились, что Бабель приедет в Сочи к окончанию срока моего пребывания в доме отдыха.

Я встретила его на сочинском вокзале, и мы отправились на Ривьеру, чтобы снять еще на несколько дней номера в гостинице. Устроившись, мы обсудили наш маршрут.

Сначала мы решили поехать на машине в Гагры – там велись съемки картины «Веселые ребята» по сценарию Эрдмана и Масс². В этой картине снимался Утесов. Из Гагр было намечено проехать в Сухуми, а оттуда добираться до Кабардино-Балкарии. Я сказала Бабелю, что у меня есть билет для проезда в мягком вагоне от Сочи до Москвы, и он пропадает.

– Очень хорошо, – ответил он, – мы его обменяем на два билета до Армавира.

¹ Антонина Николаевна Пирожкова (1909–2010) – вдова писателя Исаака Бабеля, жертвы сталинских репрессий. По профессии А. Пирожкова была инженером-строителем.

² Сценаристы Николай Эрдман (1900–1970) и Владимир Масс (1896–1979) были авторами сценария знаменитого фильма Г. Александрова «Веселые ребята» (1934), с Л. Утесовым и Л. Орловой в главных ролях. Во время съемок этого фильма в Гагре, в 1933 г., Эрдман и Масс были арестованы, за сочиненные ими политически острые стихи и пародии. – *Прим. ред.*

На другой день мы пришли в ресторан обедать и сели за столик, занятый двумя пожилыми дамами, одна из них в этот момент жаловалась своей соседке, что никак не может достать билет до Москвы. И тут Бабель вдруг говорит:

– А у нас есть такой билет, но мы не можем им воспользоваться. Возьмите его.

Я, ни слова не говоря, вынимаю из сумочки билет и отдаю незнакомой даме.

– Сколько я вам должна? – спрашивает она.

– Нет, нет, он бесплатный, пожалуйста, возьмите. Он нам совершенно не нужен! – возражает Бабель.

Чувствую, что он страшно смущен, меня он еще достаточно хорошо не знает и не знает, как я к этому отнесусь. Ведь мы только вчера решили обменять этот билет на два до Армавира! Он сам не свой и все на меня поглядывает, а я болтаю о другом и виду не подаю, что все это имеет для меня какое-нибудь значение.

Доброта Бабеля граничила с катастрофой. В этом я убедилась позже, и случай с билетом был только первым таким примером. В подобных случаях он не мог совладать с собой. Он раздавал свои часы, галстуки, рубашки и говорил: «Если я хочу иметь какие-то вещи, то только для того, чтобы их дарить». Но он мог подарить также и мои вещи. Возвратясь из Франции, он привез мне фотоаппарат. Через несколько месяцев один знакомый кинооператор, уезжая в командировку на Север, с сожалением сказал Бабелю, что у него нет фотоаппарата. Бабель тут же отдал ему мой фотоаппарат, который никогда ко мне уже не вернулся.

Даря мои вещи, он каждый раз чувствовал себя виноватым и смущенным, но я знала, что он с этим справиться не может, и никогда не показывала виду, что мне жалко вещей. А было, конечно, жалко.

Мы поехали в Гагры в теплый, солнечный день в открытой легковой машине. Было раннее утро. Навстречу нам попала закрытая черная машина с зарешеченным маленьким окном. Мы обратили на нее внимание, и только. А приехав в Гагры, застали расстроенной всю съёмочную группу и узнали, что арестовали Эрдмана. За что? Может быть, за басню, которую он сочинил.

Еще в Сочи Бабель говорил мне, что для него особенно приятны две встречи в Гаграх – с Эрдманом и Утесовым. Известие об аресте Эрдмана просто ошеломило его. Он был очень расстроен.

В гостинице «Гагрипш» не было свободных номеров. Но маленькая комнатка Эрдмана под лестницей только что освободилась, и ее дали мне. Бабель поселился в комнате Утесова. В комнате Эрдмана на столике возле кровати еще лежали раскрытая книга и коробка папирос...

Все были подавлены. Машеньке Стрелковой¹ хотелось плакать, но было невозможно, мешали длинные наклеенные ресницы. Мрачным ходил и Александр Николаевич Тихонов (Серебров)².

И только много лет спустя Эрдман рассказал мне, что везли его в обыкновенном открытом автобусе и что он видел нас в открытой легковой машине. Мы же на встречный автобус не обратили внимания.

Эрдман рассказывал мне, что, когда его арестовали, он был в роскошных белых брюках и в белой шелковой рубашке и долго ходил по пустой камере, не имевшей никакой мебели. Потом, решившись, улегся на спину прямо на грязный пол. По дороге в Сочи, когда автобус остановился, ему разрешили купить виноград, и это было единственное его питание до самого вечера. Зато в поезде он был вознагражден. Сопровождавшие его в Москву сотрудники НКВД угощали его черной икрой, семгой, ветчиной и даже коньяком.

В Гаграх съемки «Веселых ребят» продолжались, мы с Бабелем пропадали на них и смотрели, как снимают то Утесова, то Орлову, то как без конца бултыхается в воду очень милая актриса Тяпкина³. Утесов хвалился все возрастающим числом своих по-

¹ Мария Павловна Стрелкова (1908–1962) – актриса: известна своими ролями в фильмах «Веселые ребята», «Дети капитана Гранта» и др. – *Прим. ред.*

² Александр Николаевич Тихонов (псевдоним Серебров; 1880–1957) – писатель, был помощником А.М. Горького. – *Прим. ред.*

³ Елена Алексеевна Тяпкина (1900–1984) – актриса театра и кино. – *Прим. ред.*

клонниц, и это меня так раздражало, что я наконец не выдержала и сказала ему:

– Не понимаю, что они в вас находят, ведь вы – некрасивый и вообще ничего особенного.

Утесов прямо взвился и к Бабелю:

– Она находит, что я некрасивый, объясните ей, пожалуйста, что я красивый и вообще какой я!

И я выслушала от Бабеля внушение:

– Нельзя быть такой прямолинейной. Он артистичен до мозга костей. Вы же видели, каков он, когда выступает, у него артистична даже спина.

Не согласившись с Бабелем, я ушла и бродила целый день. Жо-эктварское ущелье поразило меня дикой своей красотой, и я на другой день уговорила Бабеля пойти со мной в горы.

Потихоньку, ничего ему не говоря, я увлекла его в ущелье. Там было одно место, где приходилось идти по узкой тропинке, огибая выступ скалы, рядом с пропастью, а идти можно было, только прижимаясь спиной к скале и передвигая ноги боком. И вдруг я так испугалась за Бабеля, что крепко схватила его за руку, и мы, не глядя вниз, прошли опасное место. Отдыхались уже на ведущей к морю дороге, Бабель сказал: «Сусанин, куда меня завел?» Мы спустились с гор, когда уже стемнело, и были ужасно голодны. В первом же попавшемся нам духане заказали харчо и ели его с белым, свежим, пушистым хлебом. Казалось, что вкуснее этого ничего не может быть.

Бабель очень любил гулять, но должен был из-за мучившей его астмы сначала медленно-медленно «разойтись», а потом уж, когда с дыханием все было хорошо, мог ходить довольно много. Я ничего этого тогда не знала и увлекла его в длительную прогулку по горам, не дав ему отдышаться. Поэтому он чувствовал себя ужасно, задыхался, но от меня это скрывал.

Вечерами в Гаграх мы ходили к персу Курбану – пить чай под платанами. Чай был очень крепкий, горячий, с кизилковым вареньем.

Утесов в тот наш приезд был неистощим на рассказы. Тут я впервые узнала, что он не только музыкант, но и талантливый

рассказчик и что он когда-то выступал с чтением рассказов Бабеля «Как это делалось в Одессе» и «Соль». Однажды он подарил Бабелю свою фотографию с шуточной надписью: «Единственному человеку, понимающему за жизнь...»

В Гаграх Бабель захотел встретиться с председателем ЦИКа Абхазии Нестором Лакобой. Я проводила Бабеля до дачи ЦИКа, где Лакоба отдыхал, и осталась ждать на скамейке возле входа.

Свидание с Лакобой продолжалось около часа, затем оба вышли, поговорили и попрощались. Меня удивил черный костюм на Лакобе в солнечный день и шнурок из уха от слухового аппарата.

На обратном пути Бабель сказал, что Нестор Лакоба «самый примечательный человек в Абхазии».

Из письма родственника Нестора Станислава Лакобы, полученного мною в 1984 году, я узнала, что «Нестора отравил 26 декабря 1936 г. Берия, когда Лакоба находился в Тбилиси. Отравил с помощью своей жены во время ужина, подлив в бокал с вином яд. Подробно об этом говорил в 1956 г. на процессе в Тбилиси ген. прокурор Руденко¹. 31 декабря Нестора с почестями похоронили в Сухуми у входа в Ботанический сад. Но через некоторое время объявили “врагом народа”, выкопали тело и уничтожили».

Всех его родных расстреляли.

Из Гагр на машине мы переехали в Сухуми, где прожили несколько дней. Кинорежиссер Абрам Роом² снимал там на берегу моря картину с участием Ольги Жизневой³. По утрам мы ходили на базар, а днем в обезьяний питомник или на пляж. В городе повсюду жарились шашлыки: и на базаре, и прямо на главной улице, в каких-то нишах домов, где устроены для этого специальные приспособления. Город был наполнен запахом жареной барани-

¹ Роман Андреевич Руденко (1907–1981) – государственный деятель, Генеральный прокурор СССР (1953–1981). – *Прим. ред.*

² Абрам Матвеевич Роом (1894–1976) – кинорежиссер и сценарист. – *Прим. ред.*

³ Ольга Андреевна Жизнева (1899–1972) – актриса театра и кино. В 1936 г. она снялась в фильме А. Роома «Строгий юноша», в роли Марии Михайловны Степановой, одной из главных героинь. Фильм этот снимался в Сухуме. – *Прим. ред.*

ны. Вечерами встречались на набережной и пили в чайной крепкий чай с бубликами.

Из Сухуми пароходом мы добрались до Туапсе, а оттуда поездом отправились в Кабардино-Балкарию. <...>

<...> В Москву я возвратилась 14 июня¹, а 20-го выехала в командировку в Абхазию, где началось строительство железной дороги от Сочи до Сухуми с восемью тоннелями на ее пути. К тому времени в Новом Афоне уже имелась проектная группа Метропроекта, но ее требовалось усилить. Сначала я отказывалась ехать из-за того, что надо было снимать дачу и вывозить дочку с мамой за город. Начальство, заинтересованное в моей поездке, посоветовало взять девочку и маму с собой, и я согласилась. Задание заключалось в привязке порталов тоннелей к местности, решении на месте вопросов борьбы с оползнями, отвода воды и других. Предполагалось, что с этой работой проектная группа справится за один-полтора месяца.

С собой мы взяли только летние вещи.

Когда поезд подходил к станции Лазаревская, мы узнали, что началась война. Прямо на платформе состоялся митинг. Возвращаясь с митинга в вагон, четырехлетняя Лида весело сказала: «Ну вот, война кончилась». Многие пассажиры, доехав до Сочи, возвратились в Москву. Мы же на автобусе поехали в Новый Афон. Приехали ночью в кромешной тьме; огней зажигать было нельзя, немцы бомбили наши города.

Проектная группа занимала для работы один большой номер в гостинице. В этой же гостинице жили все наши сотрудники.

Управление строительством тоннелей находилось в Гудаутах, управление строительством железной дороги – в Сухуми.

Вместе с нами в Новом Афоне была размещена транспортная контора нашего строительства с автобазой.

Очень скоро после нашего приезда Новый Афон опустел. Старые курортники разъехались, новые не прибывали. Санатории закрылись, на пляжах никого.

¹ 1941 года. – Прим. ред.

Мы с утра работали, часто выезжали на строительство тоннелей для осуществления авторского надзора и иногда в Гудауты или Сухуми на различные совещания. Я поначалу занималась тоннелями 11 и 12 на Мюссерском перевале между Гаграми и Гудаутами, иногда приходилось ночевать в Гаграх в пустой гостинице «Гагрипш». Пробиралась в номер со свечкой в полнейшей темноте. Заснуть было невозможно, мешали воспоминания о моем приезде в Гагры с Бабелем в 1933 году. Трудно представить себе Гагры с роскошной растительностью, в цвету, совершенно безлюдными. В Новом Афоне, кроме местного населения, все же были строители тоннелей 13 и 14, сотрудники нашей проектной группы и транспортной конторы, шныряли туда и обратно полуторки, изредка появлялись легковые машины начальства.

Проектной работы оказалось гораздо больше, чем первоначально предполагалось, так как из-за плохих карт местности ни один из порталов тоннелей, запроектированных в Москве, в натуре не попадал в нужное место. Все чертежи порталов тоннелей пришлось проектировать и рассчитывать заново.

Тоннели 15 и 16 в Эшерах частично попали в оползневую зону. Припортальные участки этих тоннелей значительно усложнились и потребовали коренного изменения.

Тоннель 14 в Новом Афоне одним концом выходил на территорию дачи Сталина, которой раньше не было. Пришлось изменить его трассу, отказаться от выемки, ввести галереи и траншеи как продолжение самого тоннеля, чтобы как можно меньше нарушить территорию участка, засаженного молодыми лимонными деревьями.

Когда выяснилось, что месячная командировка в Новый Афон переходит в необходимость работать там длительное время и в то же время наша проектная организация из Москвы эвакуируется в Куйбышев, мы получили распоряжение главного инженера Метростроя Абрама Григорьевича Танкилевича¹ оставаться на месте. Но ни у кого из нас не было теплых вещей, и Метропроект

¹ Абрам Григорьевич Танкилевич (1901–1975) – горный инженер, организатор строительства. – *Прим. ред.*

организовал для нас посылку из Москвы. Так как у меня в Москве не оставалось родственников, я переслала ключи от квартиры своей приятельнице Валентине Ароновне Мильман с просьбой собрать наши теплые вещи и передать их в Метропроект. Так же поступили и другие сотрудники нашей группы.

Валентина Ароновна, работавшая тогда секретарем Эренбурга, получив ключи от нашей квартиры, догадалась забрать и большой ковер на полу в моей комнате и отвезти его Эренбургу, чтобы утеплить пол комнаты, где он работал. Ему же она отвезла кофеварку, привезенную Бабелем в 1935 году из Парижа.

Мне было приятно, что ковер и кофеварка послужили Эренбургу, а кроме того, эти вещи, в отличие от украденных соседями, вернулись в дом после нашего приезда.

Первый год войны мы прожили на Кавказе почти спокойно. Но война затягивалась, и некоторые сотрудники нашей группы стали нервничать, стремиться уехать в Москву. Немцы к тому времени перерезали железную дорогу, соединяющую Сочи с Москвой. Уезжать нашим сотрудникам пришлось через Краснодарск. Добирались до Москвы за 40 дней. Уехал и руководитель нашей группы Б.В. Грейц с женой. Я осталась во главе проектной группы. Мне с мамой и маленькой Лидой¹ опасно было трогаться в такой дальний путь.

Когда строительство тоннелей прекратилось из-за отсутствия цемента, который мы получали из Новороссийска, был дан приказ законсервировать тоннели. На это требовался лес. Пришлось организовать лесоразработки вблизи от Пицунды.

Немцы подходили к Туапсе. Мы начали срочно строить железную дорогу в обход тоннелей. А пока вооружение из Ирана к Туапсе шло по извилистой шоссейной дороге, разбитой до предела. Во время дождей дорога портилась, колонны машин останавливались.

Немцы начали бомбить Тбилиси и Сухуми. Бомбы сбрасывали не особенно тяжелые, но и они приводили к жертвам. Одна бом-

¹ Лидия Исааковна Бабель (род. 1937) – дочь И. Бабеля и А. Пирожковой. – *Прим. ред.*

ба упала вблизи от здания управления строительством железной дороги; известка с потолка посыпалась на голову начальнику управления А.Т. Цатурову¹. Женщине-инженеру Ростомян, выбежавшей в сквер возле здания, оторвало кисть руки. Были убитые и среди населения Сухуми на других улицах. Управление строительством железной дороги переехало из Сухуми в Новый Афон.

Самолеты немцев начали летать и над Новым Афоном. По тревоге мы прятались в канавах, прорытых еще монахами для отвода воды со склона маслиновой рощи. Наши зенитки стреляли по самолетам, и пустые гильзы падали на нас.

Возможно, немцы узнали, что части морской пехоты расположились на отдых в пустых санаториях Нового Афона, а может быть, закрытые от морозов белыми колпаками молодые лимонные деревья принимали за палатки воинских частей. Во всяком случае, оставаться в гостинице мы побоялись и сняли для работы комнату в частном доме в поселке Псырцха и сами переехали в дома этого поселка.

Связь с Москвой прервалась, и мы перестали получать зарплату из Метропроекта. Пришлось работать по договорам с заказчиком или с другими организациями Абхазии. Нашей группе были заказаны проекты бомбоубежищ: маленького во дворе обкома и большого в городе.

Обстановка становилась все тревожнее. Немцы подошли к Туапсе на расстояние в 8 километров, но, кроме того, нависли над нами в горах. Войска наши отступали. Иногда на полу моей комнаты ночевало по нескольку солдат.

Однажды утром мой хозяин Арут Моргосович Янукян показал мне на дом абхазца, напротив нашего дома. Деревянная пятиконечная звезда, украшавшая фронтоном дома, была за ночь снята, остался только след нового дерева под ней. Арут мне сказал:

¹ Александр Тигранович Цатуров (1903–1974) – инженер-строитель, один из создателей Черноморской железной дороги. – *Прим. ред.*

– Ждет немцев¹... Ничего не бойся, я уведу всех в лес, в горы. Знаю такие места, что ни один немец туда не доберется. Там и отсидимся, пока наши снова не придут.

И все-таки я однажды пошла к начальнику управления Александру Тиграновичу Цатурову посоветоваться: как быть?

Кроме мамы и Лиды, на моей ответственности были еще оставшиеся в Новом Афоне сотрудники группы, тоже с семьями.

Цатуров мне тогда сказал, показывая на свой стол:

– У меня под сукном лежит приказ за подписью Кагановича – в случае опасности эвакуироваться в Иран. Ведь транспорт в нашем распоряжении.

Скоро немцев в горах разгромили отряды добровольцев из местного населения под командованием военных. А когда наши строители закончили железную дорогу в обход тоннелей и первые поезда с военным снаряжением пошли по ней, немцев отогнали и от Туапсе.

Радость военных по поводу постройки этой железной дороги была велика. Митинг закончился объятиями и поцелуями, подбрасыванием строителей в воздух.

Дорога, конечно, была аховая. Овраги пересекались на шпальных клетках, оползневые участки требовали ежедневной и бесконечной подсыпки гравия под шпалы, который тут же сползал в море. Этот сизифов труд выполняли рабочие бригады из штрафников, которых не посылали на фронт: не доверяли им.

Обстановка в Новом Афоне и настроение людей улучшилось, военные сводки стали обнадеживающими.

Живя у Арута, я часто думала, что если Бабеля освободят и не разрешат ему жить в Москве, то будет очень хорошо поселиться ему здесь, в этом саду с виноградной беседкой и с роскошным видом на море.

¹ Возможно, среди абхазов, как и других народов, проживающих в Абхазии, и были те, кто ждал прихода немцев, но их наверняка было немного. Военный историк В.М. Пачулия пишет: «...среди германских разведчиков, засланных в Абхазию, абхазов было единицы. И те – не имели никаких контактов с местным абхазским населением» (В.М. Пачулия. Абхазия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сухум, 2015. С. 136). – *Прим. ред.*

Наступил 1944 год. Пора было возвращаться в Москву. Лиде исполнилось 7 лет, нужно было подумать о ее образовании. В Новом Афоне Лида вела жизнь вполне деревенской девочки. По утрам с кукурузника (высокая башня с лесенкой) доставала кукурузные початки, ручной мельницей молола в крупу зерна кукурузы, кормила кур и цыплят. Цыплята настолько к ней привыкли, что смиренно сидели у нее на голове, плечах и руках, и она в таком виде расхаживала с ними по двору. По вечерам пастух кричал не хозяйке Оле, а Лиде: «Лида, забирай свою корову». И Лида хватала веревку с гвоздя, бежала за ворота, наматывала веревку на рога коровы и вела ее по тропинке через сад в хлев. На море Лида чувствовала себя так же, как любой армянский или абхазский мальчишка. Нырjala и плавала великолепно. Уплывала в море так далеко, что ее совершенно не было видно, и пропадала там часами. Это стоило бы мне много нервов, если бы я всегда была свидетелем этих заплывов. Чаще всего я об этом узнавала потом.

В Москву мы возвратились в феврале 1944 года. Ехали через Сталинград, и пока поезд там стоял, мы с Лидой вышли на площадь. Зрелище полностью разбитого города было ужасающим. В некоторых местах высились только отдельные стены бывших кирпичных домов с проемами окон, все вокруг – сплошной битый кирпич. На вокзальной площади круглая раковина фонтана с полууцелевшими скульптурами детей вокруг. И по всей дороге в Москву видны были следы страшного разрушения. А так как мы в Новом Афоне почти не испытали ужасов войны, эти картины по дороге в Москву явились для меня единственным впечатлением от войны и до сих пор стоят перед глазами. <...>

Воспоминания о Бабеле / Сост. А.Н. Пирожкова, Н.Н. Юргенева. М., 1989. С. 242–245, 299–303.

И.А. Званбая-Капба

О МОЕЙ СЕМЬЕ И НЕ ТОЛЬКО

Я, Званбая-Капба Изольда Александровна, родилась в преддверии тревожного 1937 года, в 1936 году. Отец мой, Званбая Александр Алмахситович, родился в 1905 году в селе Звандрипш Гудаутского района. Мать моя, Эмухвари Буца Омаровна, была рождена в 1911 году, пережив тяжелые годы в период советизации в Абхазии, как дочь князя Омара и сестра братьев-абреков Гуды и Хихви (по документам Арсена и Варлама).

Но это другая история. Через год и два месяца после моего рождения отец мой был репрессирован, 9 сентября 1937 года, как враг народа. Отец мой учился в Звандрипшской средней школе, затем окончил реальное училище в Сухуме. Политической деятельностью никогда не занимался, а стал интересоваться производством вина в Абхазии. Вместе со своим двоюродным братом Николаем Батовичем Анчабадзе и их общим другом Акакием Георгиевичем Сангулия он основал винно-водочное производство в Абхазии.

Мать Николая и Григория Анчабадзе, Екатерина Званбая, была родной сестрой моего деда Алмахсита и Георгия. У Георгия было три сына и две дочери. Сыновья и младшая дочь Вера были репрессированы в 1937 году. Младшая дочь Вера была замужем за младшим братом Нестора Лакоба, Михаилом. У них было два сына, Кукуша и Тенгиз, и дочь Саида. Мужчины этой семьи, включая подростков, с сыном Нестора Лакоба, Рауфом, были расстреляны, дочь была вывезена тайно в детский приют, в г. Майкоп, где находилась с 7 до 14 лет. Вера Званбая, жена Михаила, отсидела в тюрьме 10 лет, а затем находилась на поселении в Караганде и только через 18 лет вернулась в Абхазию.

У моего деда Алмахсита было шестеро детей: три сына и трое дочерей. Старший, мой отец, Александр (Капача), Владимир, Григорий и дочери: Бабина, Баби, Надежда.

В 1955 году наступила хрущевская «оттепель». Мне было 19 лет. В один из дней наша семья получила повестку, как семья пострадавших, на прием к генеральному прокурору Абхазии. Гене-

ральным прокурором был Шамиль Николаевич Лакоба. В тот период мама моя болела приступами бронхиальной астмы.

Моя тетя, Хикур Омаровна Эмухвари, у которой супруг Григорий Шервашидзе-Чачба был репрессирован в 1938 году, скрыла от моей мамы о получении повестки на мое имя в прокуратуру и решила меня не пустить на прием, боясь того, что я могу не вернуться домой, так как из всех, кто был вызван в 1937 году, никого не вернули, и она вызвала моего дядю Владимира Алмахситовича, и только тогда дала мне право вместе с ним явиться на прием к прокурору.

Прокурор Ш.Н. Лакоба встретил нас спокойно, предложив присесть. Войдя в кабинет, я испытывала беспокойство, увидев у него на столе досье моих родителей. В течение 3–5 минут между прокурором и нами было гробовое молчание, хотя заведомо мой дядя, который меня сопровождал, догадывался, по какой причине меня вызвали. Взглянув на нас, Шамиль Николаевич спросил меня: «Изольда, успокоилась?» Не заметить мое волнение было невозможно, и тогда он сообщил мне, что вызвана я по делу моего отца, чтобы ознакомить меня с протоколом обвинения.

Первое – якобы он был поручиком царской армии. Второе – якобы он был предводителем восстания в Гудаутском районе против колхозов. Третье – якобы под его руководством был заминирован железнодорожный мост через Черную речку, когда должен был проехать на поезде И.В. Сталин. Все эти обвинения были не обоснованы, реальных доказательств причастности к тому, в чем его обвиняли, не было. Эти обвинения были подписаны начальником милиции Рухадзе (точно не могу вспомнить, Гагрской или Сухумской милиции). Ш.Н. Лакоба выдал мне справку о его полной реабилитации.

Во время ареста моего отца была конфискована трехкомнатная квартира с имуществом в г. Гагра, и мать моя была оттуда выгнана со мной, годовалой дочкой. После реабилитации отца нам выдали двухкомнатную квартиру в Сухуме и двухмесячную его зарплату. На деньги от его зарплаты мама моя в память о моем отце купила золотые часы «Заря». К сожалению, все эти справки, документы хранились в маминой квартире в Сухуме, во время войны 1992–1993 гг. квартира была ограблена грузинскими оккупантами и все документы были уничтожены, так как мама моя находилась у нас в г. Гагра.

В 1956 году выездной военный трибунал Верховного суда Москвы проводил закрытый процесс по Закавказью: в Тбилиси, Баку, Ереване, Батуми, Сухуме – над теми, кто был причастен к тюремным заключениям, расстрелу невинных людей. В Сухуме под стражей находился нарком внутренних дел Абхазии некий Пачулия, бывший футболист – избранник и любимчик Л. Берия. Перед началом процесса я была приглашена, как из семьи пострадавших. Десять дней я присутствовала на этом процессе. На этом процессе присутствовали родственники (жены, дети) невинно убиенных людей. В одном ряду со мной рядом сидел Муста Джих-оглы, родной брат Сарии Лакоба. Муста, не выдержав эмоциональный накал, который витал над всеми нами, вскочил с места и напомнил Пачулия, как он сигаретой прижигал тело его сестры. На процессе присутствовал живой свидетель и пострадавший Ирадион Квициния, который был репрессирован и чудом остался живым. Он повернулся спиной к аудитории, снял сорочку и обнажил свою спину в рубцовых шрамах.

По делу проходили также инквизиторы того времени, следователи Григориади, Багателия и Денисов. Говорили о том, какие методы пыток они проводили над невинными людьми. Заставляли репрессированных держать в руках чемоданы, наполненные кирпичами, по несколько часов, не выдержавшие этой тяжести получали побои плетками, железными прутьями. Били мокрой крученой веревкой по спине. Заставляли тыкать пальцем в патроны электролампочек.

Моего отца, Александра Званбая, допрашивал следователь Григориади. Он требовал от него подписать протокол обвинения, от чего отец мой категорически отказался. И тогда мой отец подвергался избиениям, издевательствам, словесными и физическими. Не выдержав такого унижения, отец мой схватил двумя руками стол, за которым сидел следователь Григориади, опрокинул на него, и тот, недолго думая, выхватил пистолет и застрелил его прямо в кабинете. А затем дело было сфабриковано таким образом, как будто живым его присудили к 10 годам тюремного заключения, без права переписки. И только через 20 лет мы узнали всю правду о его гибели.

РАБОЧИМ ПЕТРОГРАДА С КАВКАЗА

Предлагаемая небольшая заметка в петроградской газете весьма знаменательна. В ней, особо отмечается, что Абхазия – самостоятельная республика, которая «охватывает весь быв. Сухумский округ и своим центром власти имеет г. Сухум-Кале». Интересно, что до августа 1936 г. столица Абхазской республики именовалась в двух написаниях «Сухум» и «Сухум-Кале».

Время публикации относится к периоду, когда страна была признана, в том числе и Грузией, как независимая ССР Абхазия (31 марта 1921 – 17 февраля 1922). В тот период еще не был создан СССР и формально Советская республика Абхазия была независима как от Советской России, так и от Советской Грузии. Несмотря на это, молодая кавказская республика, установление советской власти в которой совпало с новой экономической политикой (НЭП), оказала посильную помощь революционному Петрограду, отправив в подарок рабочим 6 вагонов лучшего листового табака (1.500 пудов) и 500 ф. китайского чая от трудящихся автономной Аджарии.

В Петроград прибыли представитель советской социалистической Абхазии т. Губат и т. Тоше, доставившие подарки для рабочих Петрограда, а именно: 6 вагонов листового табаку и 500 ф. китайского чая.

Представитель Абхазии передает, что рабочие красной Абхазии, одной из маленьких закавказских республик, уделили из своих запасов для своих братьев рабочих Питера 1.500 п. листового табаку местного производства, в знак солидарности с рабочими Севера. Абхазия считает рабочих Питера авангардом революции, первыми поднявшим красное знамя свободы.

Тов. Тоше сообщил нам, что когда они проезжали с подарками через расположенную рядом советскую республику Аджарию, то революционный комитет ее, узнав о цели нашей поездки, просил передать от его имени рабочим Питера, из своих скудных запасов, 500 ф. китайского чая.

Примечание: Абхазия и Аджария – две самостоятельные советские республики, расположенные на берегу Черного моря.

Абхазия охватывает весь быв. Сухумский округ и своим центром власти имеет г. Сухум-Кале.

Аджария автономию получила совсем недавно. Она охватывает быв. Батумский округ и центром своим имеет г. Батум, представляющий из себя в данное время международный торговый порт, в который ежедневно прибывают пароходы с товарами, главным образом, Турции и Италии.

Красная газета (г. Петроград). № 254. 6 декабря 1921 г.

Вианор Пачулиа

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН В СУХУМИ

Эта статья историка-краеведа Вианора Пачулиа (1929–1988) была опубликована в газете «Советская Абхазия» (20 июля 1962 г., № 142). В свою книгу «Русские писатели в Абхазии» (Сухуми, 1980) В. Пачулиа ее не включил. В статье В. Пачулиа, опираясь на воспоминания сухумского полиграфиста М.Д. Хахмигери, утверждал, что знаменитый русский поэт Сергей Есенин в начале 1925 года побывал в Сухуме. Вслед за статьей В. Пачулиа приводятся воспоминания С.З. Лакоба о том же М. Хахмигери; в ней подтверждаются свидетельства последнего о пребывании С. Есенина в Абхазии.

В письме к П.И. Чагину¹ от 14 декабря 1924 г., написанном в Батуме, С. Есенин писал: «Я должен быть в Сухуме и Эривани» (см.: С. Есенин. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Письма. М., 1980. С. 164)...

¹ Петр Иванович Чагин (1898–1967) – журналист, издательский работник, литературный деятель. – Прим. ред.

В конце прошлого года издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока» выпустило в свет талантливо написанную книгу Николая Вержбицкого «Встречи с Есениным»¹. Автор много лет работал в газете «Заря Востока», сотрудничал в газете «Советская Абхазия». Н. Вержбицкий, работая в Тбилиси в 1921–25 гг., неоднократно встречался с известным русским поэтом Сергеем Есениным. Это дало ему возможность довольно подробно осветить пребывание поэта в Грузии.

В книге рассказывается о местах, связанных с пребыванием Есенина в Грузии, о его встречах с виднейшими представителями грузинской литературы, описывается жизнь Тбилиси того периода. Но автор не освещает пребывания Есенина в Сухуми. Об этом не говорится также в книге Е. Наумова «Сергей Есенин. Жизнь и творчество», вышедшей в Ленинграде в 1960 году, а также в критико-библиографическом очерке К. Зелинского, опубликованном в первом томе собрания сочинений Сергея Есенина. Между тем известно, что поэт был в Сухуми, встречался с представителями абхазской интеллигенции.

Сергей Есенин приехал в Сухуми из Батуми примерно в середине февраля 1925 года. Старейший полиграфист, бывший член ЦИКа Абхазии, Майор Давидович Хахмигери сообщил нам следующий эпизод, связанный с пребыванием Есенина в Сухуми.

«...Это было в феврале 1925 года. Возвращаясь на дилижансе в Сухуми из санатория „Гульрипш“, на шоссе вблизи „Синопа“ я увидел группу людей, среди которых находился С.Я. Чанба, председатель ЦИКа Абхазии. Я подошел к нему. Мы говорили о переименовании Первой советской типографии, как она тогда называлась, в типографию имени В.И. Ленина. Вскоре после этого разговора типография была переименована.

Кроме С.Я. Чанба, в этой группе были А. Герваси (редактор газеты «Трудовая Абхазия»), В. Агрба (нарком земледелия Абхаз-

¹ Вержбицкий Н.К. (1889–1973). Встречи с Есениным: Воспоминания. Тбилиси, 1961. – *Прим. ред.*

ской АССР), К. Инал-ипа (военный комиссар Абхазии)¹ и другие лица. Они были мне знакомы. Лишь одного из находившихся в группе я не знал. Это был молодой человек среднего роста, с пышными, зачесанными назад волосами, большими добрыми серыми глазами и поразительно правильными чертами лица. Одет он был модно, изящно. Беседа происходила у обочины шоссе. К. Инал-ипа и незнакомец обменивались острыми шутками, вызывавшими дружный смех присутствующих. Каково же было мое изумление, когда К. Инал-ипа вдруг сказал:

– Товарищ Есенин, мы, кажется, начинаем пошалить.

На это Есенин ответил:

– Да, мы шалим, а шалить – значит жить весело.

Есенин был в приподнятом настроении. Временами он устремлял взгляд на море или на город, любовался горами, синеющими вдали. Живописный пейзаж приводил его в восторг.

– Други мои! – воскликнул он. – Это великолепно, очаровательно, это сказка наяву. Абхазия подобна Эдему, но жить должны здесь не праведники, а только поэты! Да, да, поэты, – заключил он. – Воспеть бы Абхазию вдохновенно, как умеет воспевать Есенин!

Вся группа выразила Есенину одобрение этой мысли.

Общительность Есенина создавала атмосферу непосредственности, которая сразу же сближает людей.

Вскоре вся группа направилась в дом отдыха имени С. Орджоникидзе².

Кроме этого рассказа, на пребывание Сергея Есенина в Сухуми указывают сведения о том, что поэт посвятил нашему городу стихотворение³.

Когда будет составлена подробная биография Есенина, не лишним будет указать в ней о его пребывании в Сухуми.

¹ Константин Инал-ипа (1895–1937) – государственный деятель. – *Прим. ред.*

² Дендропарк. – *Прим. ред.*

³ Известно лишь пародийное стихотворение В. Стражева, посвященное Сухуму, и приписанное им С. Есенину. См.: Абхазия в русской литературе / Сост. И.И. Квициния. Сухуми, 1982. С. 209–210. – *Прим. ред.*

Станислав Лакоба

ЕСЕНИН В АБХАЗИИ

В 1970–80-х гг. прошлого века я часто общался с сухумским старожилом Майором Давидовичем Хахмигери, старым типографским рабочим, участником Сухумского артистического общества (САО), принимавшим участие в 1919–1922 гг. в постановках режиссера Николая Евреинова, Натальи Бутковской, Александра Шервашидзе, Василия Каменского, Виктора Стражева... Очень живописно он рассказывал мне о гастролях в Сухуме в 20-х годах театра режиссера Николая Фореггера и «Танцах машин», о чем он тогда писал в газете «Голос трудовой Абхазии»... Его лично знали Нестор Лакоба, Самсон Чанба, Дмитрий Гулиа, Симон Басария, Андрей Чочуа и многие другие известные люди того времени.

Хорошо запомнился рассказ Майора Хахмигери о его неожиданной встрече в Сухуме с поэтом Сергеем Есениным. Произошло это в конце 1924 – начале 1925 года. Несмотря на зимнее время, погода в этот день была солнечная. Со стороны парка «Синоп» двигался дилижанс, в нем было несколько очень известных людей, среди которых он узнал Самсона Чанба, Председателя ЦИКА Абхазии, известного поэта и драматурга. У входа в дендропарк (тогда дом отдыха имени Орджоникидзе) дилижанс остановился, и Самсон Чанба направился навстречу к Хахмигери. Майор Давидович был удивлен, что в столь ранний час Председатель ЦИК с гостями совершал прогулку. Какой-то молодой человек со светлой шевелюрой выпрямился в дилижансе, осмотрел сухумскую бухту и, взмахнув рукой, восторженно произнес: «Когда-нибудь я опишу этот Эдем!» Поздоровавшись с Хахмигери, Самсон Чанба с теплотой сказал: «Сергей Есенин!»

Потом Хахмигери узнал, что поэт ночью прибыл в Сухум на пароходе из Батума. Он был пьян и дебоширил. По прибытии была вызвана милиция. Пьяный человек кричал: «Я – Сергей Есенин!» Подоспевший начальник милиции быстро скрутил буяна: «А я, Василий Лакоба...»

Поэта отправили в кутузку, откуда он, протрезвев, под самое утро передал записку Самсону Чанба, о котором знал заочно. Самсон Чанба выручил! Они обнялись и поехали вместе с друзьями на дилижансе на экскурсию в санаторий Смецкого.

Майор Давидович нисколько не сомневался, что видел в Сухуме Сергея Есенина, который проездом из Батума посетил наш город...

Сухум, 16 марта 2018 г.

ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ АНДРЕ ЖИД В АБХАЗИИ В 1936 ГОДУ

Перевод В.А. Чирикба отрывка из книги мемуаров голландского писателя Йефа Ласта «Мой друг Андре Жид» (Jef Last. Mijn vriend André Gide. 1966). Ласт сопровождал А. Жида в поездке по СССР, в том числе по Абхазии. Интересное описание встречи Андре Жида с Нестором Лакоба, названного автором «губернатором или партийным боссом Абхазии».

Настроение Жида стало еще хуже, когда губернатор (а может, и партийный босс) Абхазии заставил нас ждать добрый час, хотя мы умирали от голода. Когда он наконец появился, это был маленький человечек в высоких черных сапогах, русской белой блузке и слуховом аппарате на одно ухо. Его желтоватое лицо имело семитское выражение, которое мы уже видели у многих грузин. Но что-то особенное исходило от этого человека, и гнев Жида исчез через несколько минут.

Вилла была обставлена очень просто, но еда была чрезмерной, как обычно. Помню, между прочим, запеченного поросенка с работающими электрическими лампочками вместо глаз, которого подали на серебряном подносе лакеи в бархатной ливрее и белых чулках.

Жид и губернатор, не прибегая к помощи переводчика, вскоре глубоко разговорились и вышли из-за стола задолго до конца ужина, чтобы продолжить беседу наедине в комнате Жида. В тот вечер Жид сказал мне: «ЭТО САМАЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ И ИНТЕРЕСНАЯ ФИГУРА, КОТОРУЮ Я ВСТРЕЧАЛ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ». Но он не сказал мне, что они обсуждали. Через несколько недель после того, как мы вернулись в Париж, в газетах было написано, что этот человек был осужден и ликвидирован.

Из публикации: Basil Kingstone «Jef Last, a Dutch author in Stalin's Russia». CANADIAN JOURNAL OF NETHERLANDIC STUDIES. Volume 40. Issue 1, 2020, p. 39–58.

Дональд Рейфилд

СТАЛИН И ЕГО ПОДРУЧНЫЕ

(фрагменты из книги)

Дональд Рейфилд (род. 1942) – британский литературовед, специалист по русской и грузинской литературе; доктор философии. Исследование Рейфилда «Сталин и его подручные» увидело свет в Лондоне в 2004 г.; русский перевод книги выходил дважды в Москве, в 2008 и 2017 г.

<...> У Сталина, однако, было одно преимущество, с помощью которого он располагал товарищей к себе, – кавказские контакты. Кроме Серго Орджоникидзе он тепло дружил с Нестором Лакобой, абхазским лидером, знаменитым своей полной глухотой и орлиной зоркостью. При помощи Сталина скромный и хорошо образованный Лакоба отделил свою родину от Грузии и превратил ее в остров благополучия на Кавказе, опустошенном войной.

Большевики сознательно терпели политику Лакобы, которая состояла в уклонении от чисток, расстрелов, даже от насаждения социализма, так как только благодаря этому дворцы и особняки на Черноморском побережье еще стояли неразграбленными и неразрушенными. Сталин приглашал Лакобу к себе в Зубалово на дачу. <...>

<...> После десятилетий лишений и безвылазного бдения в темных камерах и кабинетах гостеприимство очаровало даже сурового Дзержинского. Лакоба, который еще пятнадцать лет будет оставаться в фаворе у Сталина, оказался превосходным орудием для управления и даже устранения соперников. Когда стало ясно, что Ленин скоро умрет, Абрам Беленький, кремлевский комендант и близкий товарищ Сталина, организовал поездку Троцкого в Абхазию будто бы для того, чтобы поправить его здоровье. 6 января 1924 г. Беленький инструктировал Лакобу... <...>

<...> В 1930 г. в Сухуме Осип и Надежда Мандельштам, отдыхавшие по милости Нестора Лакобы в правительственном особняке на Черном море, наблюдали чету Ежовых. (Ежов подписал ордер на последний, роковой арест Мандельштама, поэтому его вдове трудно было поверить, что «этот скромный и довольно приятный мужчина», который возил их в город на своем автомобиле и который танцевал, несмотря на хромоту, стал зачинщиком сталинского террора.) В Сухуме Мандельштамы услышали весть о самоубийстве Маяковского (событие, разбудившее лирическое вдохновение Мандельштама). <...>

<...> Как ни странно, выбор наследника Ягоды не сразу пал на Ежова, и Сталин сначала размышлял о человеке совершенно другого характера – о Несторе Лакобе, у которого руки были почти чисты от крови и которого народ подлинно любил. Как-то летом в начале 30-х годов Сталин, Берия, Лакоба с женами и с детьми играли вместе около вилл и на пляжах Сухума или в пастушьих хижинах на берегу озера Рица. Сталин полностью доверял Лакобе и, не задумываясь, охотился с ним на кабанов. Лакоба был первоклассным стрелком, который любил эпатировать гостей, одним выстрелом сбивая яйцо с головы своего повара. Сталин любил шутить: «Я Коба, а ты – Лакоба». Лакоба присылал Сталину сот-

ни лимонов и обсадил мандаринами сталинскую виллу. Надежда Аллилуева подарила Сарие, жене Лакобы, уже традиционный среди высших эшелонов ОГПУ подарок, золоченый пистолет.

Сталин чаще и дольше разговаривает с Лакобой, чем с любым другим коллегой. В конце 1920-х гг. Сталин решил не применять коллективизации к Абхазии и критиковал тех, кто «не учитывает специфических особенностей абхазского уклада, сбиваясь иногда на политику механического перенесения русских образцов социалистического строительства на абхазскую почву», но в то же время деликатно уговаривал Лакобу признавать хоть на словах советскую иерархию. <...>

<...> Лакоба хитро правил страной, учитывая и требования сталинизма, и древние языческие абхазские обычаи.

Те родственники Лакобы, которые смогли выжить, несмотря на месть Берии, говорят, что Сталин просил Лакобу стать наркомом внутренних дел, но Лакоба отказался. Зачем Сталин это сделал? Лакоба, как Серго Орджоникидзе, был близким другом, насколько у Сталина могли быть близкие друзья, и, будучи кавказским человеком, Лакоба был и речью и мышлением понятен Сталину. Но уму непостижимо, чтобы Лакоба превратил НКВД в такую бойню, какую Сталин хотел из него сделать. Так или иначе, поведение Сталина осенью 1936 г., когда Лакоба его увидел в последний раз, незадолго до назначения Ежова, было сурово: в самом деле «в аду нет фурии страшнее» отвергнутого Сталина.

Дамоклов меч давно висел над Лакобой, и, не любя его Сталин, его бы сняли уже в двадцатые годы. В 1924 г. он принял (по просьбе Сталина и Дзержинского) Троцкого, но Троцкий, хороший стрелок и охотник, очень понравился Лакобе, и еще несколько лет Лакоба и Сария писали Льву Давидовичу дружелюбные письма. Между Лакобой, уведшим Абхазию из состава грузинского государства, и Лаврентием Берией, жаждавшим вернуть Абхазию в состав Грузии, бушевали настоящие кавказские страсти. Подхалимство Берии сменилось гневом, когда сводный брат Лакобы, Михаил, приставил к голове Берии револьвер – за то, что тот матерился в присутствии женщин. <...>

<...> Вместе с Лакобой погибла почти вся абхазская интеллигенция; грузины и мингрелы заняли полупустые поселки южной Абхазии. Страшная месть Берии была разрешена Сталиным без подписи Ежова, и после убийства Лакобы Сталин девять лет не ездил на Кавказ. <...>

<...> Сталину Берия подобострастно льстил. Через Нестора Лакоба, у которого Сталин проводил летние сезоны в конце двадцатых и в начале тридцатых годов, Берия сблизился с вождем. Берия подавлял свое презрение к абхазам и старался любезностью преодолеть то отвращение, которое тбилисские гэпэушники внушали абхазам в Сухуми. Типичным фактотумом Берии был Надарая, который потом стал виртуозным палачом в метехской тюрьме в Тбилиси и с улицы забирал девушек для Берии. Первые записки Берии к Лакобе в 1928 г. уже отдают нарочитой доверительностью; часто Берия просит, чтобы Лакоба простил как-нибудь грузинскому чекисту преступление или грубость; или чтобы Лакоба замолвил слово Сталину за Берию. В 1929 г. Берия отблагодарил Лакобу своим обычным подарком, трофейным револьвером с патронами, и очень любезно подыскал для маленького Рауфа Лакобы хорошее издание Жюль Верна.

Рейфилд Д. Сталин и его подручные: пер. с англ. автора. Москва: НЛО, 2008. С. 110–111, 322, 325–327, 372–373.

ДВА ПИСЬМА К.Д. МАЧАВАРИАНИ НЕСТОРУ ЛАКОБА

В 2009 г. в Сухуме была переиздана книга К.Д. Мачавариани «Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу с историко-этнографическим очерком Абхазии». Предисловие и примечания были подготовлены Анзором Азумаа и Петром Квициния.

В книге приводится ранее не публиковавшееся письмо Константина Мачавариани, адресованное Председателю Совнаркома ССР Абхазии Нестору Лакоба. Автор этого письма жил в это время с женой в Батуме и очень сильно нуждался.

Батум, 14 ноября 1924 г.

ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ АБХАЗИИ ЛАКОБА

Вы, вероятно, помните меня, Константина Давидовича Мачавариани, которому предлагали место в Сухуме. Я колебался перейти к Вам в виду зимнего времени и болезни моей жены. За такие колебания Бог наказал меня. Во время воспаления легких я упал и сломал бедро. Лечили меня в Батуме 12 месяцев, а в Тифлисской больнице (университетской клинике) 5½ месяцев, но ничего сделать не смогли. Я вернулся из Тифлиса и теперь в Батуме, причем и вторая моя нога стала сильно болеть. 17½ месяцев я или лежу в постеле или сижу в кресле. С трудом изредка хожу по комнате при помощи жены на костылях. До выезда в Тифлис я несколько раз просил доктора Анчабадзе¹ поместить меня в Сухумский санаторий в Гульрипше, он обещал исполнить мою просьбу, но, к сожалению, не перевел меня туда. Вот вкратце мои обстоятельства. По освидетельствовании моего здоровья врачами, меня признали инвалидом 1 разряда и назначили мне пенсию ежемесячно по 15 рублей.

¹ Имеется ввиду Вианор Тарасович Анчабадзе, в те годы начальник курортного управления Абхазии. – Прим. ред.

Судьба Вас призвала верховным правителем для возрождения Абхазии. И народ, и правительство к Вам относятся с доверием и уважением. Вашему слову все прислушиваются. Все находят у Вас и защиту и помощь. Все это позволяет обратиться к Вам, как к правителю, так и отзывчивому человеку с покорнейшей просьбой. Можно сказать я теперь нищий, калека. Беда еще и то, что жена тоже больна. Можем ли мы жить на 15 рублей? Я служил Абхазии много и много лет. Открывал школы, выпускал грамотных молодых людей не мало и много, много писал об Абхазии. Мои литературные работы Вам известны и Вы внимательно относились ко мне. Абхазцы, думаю, помнят меня и мои работы и несчастье, я бы всю жизнь посвятил бы дорогой для меня Абхазии. Вот, в виду моего многолетнего служения той стране, которой Вы теперь управляете не найдете ли возможным назначить мне из каких-либо средств постоянное какое-либо ежемесячное денежное вспомоществование. Аджария мне дает по 15 руб. Неужели Абхазия мне не даст ничего? Я глубоко уверен, одно Ваше слово решит мою просьбу в пользу мою. Вы все можете сделать. Заставьте меня до гроба, до могилы с благодарностью вспоминать Вас. Мое положение ужасное: я точно в тюрьме и не вижу ни людей, ни природу. Тяжело то, что могу головой работать, читать, писать, а ходить не могу. Почти все мое имущество я продал и кроме 15 руб. я ничего не имею. Голод и холод, тоска и печаль – вот спутники моей жизни. Вся моя надежда на Вас, только на ЦИК. Помогите во имя человеколюбия.

P.S. Еще одна просьба: Описание Сухума и Абхазии я дал напечатать Гогиджановой – книжный магазин с условием, что половина от продажи моих работ будет дана мне, но, к сожалению, мои сочинения (их было с лишним 1500 экз.) отобраны. У меня нет ни одной книги, а здесь интересуются Абхазией, и в Тифлисе тоже. Окажите внимание, сделайте распоряжение прислать мне их от 5 до 10 экз. С нетерпением буду ждать ответа, «СААУКУХШОП».

С глубоким уважением, Ваш покорный слуга Константин Давидович Мачавариани.

Адрес: Батум, Асатиановская улица, № 19, здание 3-й Советской школы. Временно живу в училищном здании, но, кажется, хотят отобрать одну занимаемую мной комнату.

Авторы предисловия к книге Мачавариани отмечают, что им неизвестно «была ли ему оказана помощь со стороны нового абхазского правительства» (С. 11)

К счастью, в архиве сохранилось еще одно письмо Константи́на Мачавариани, которое говорит само за себя.

3 февраля 1925, г. Батум

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА И
ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ АБХАЗИИ ЛАКОБА**

У меня нет подходящих слов благодарить Вас за назначение мне пожизненной пенсии в размере 25 рублей в месяц.

В течение многолетней моей жизни, равно и службы, много было у меня родных и знакомых, но никто, никто не отнесся ко мне так тепло, так сердечно, как Вы...

Недаром судьба избрала Вас главой целого абхазского народа и защитником страждущих и обездоленных, как я. Пусть эта же судьба даст Вам силу и энергию работать в пользу Вашей родины на много много лет...

Я был оторван от Абхазии, но Вы, именно только Вы, своим вниманием, своим отзывчивым сердцем снова соединили меня с этой дорогой страной.

Будьте счастливы на много лет.

До гроба признательный и благодарный

Константин Дав. Мачавариани.

**БЕРЗЕНИЯ ГЕРАСИМ КОНСТАНТИНОВИЧ
(1897–1937)**

Родился в 1897 г. в с. Поквеш (Пакуаш), Кодорского участка (ныне Очамчырский район). В 1923 г. поступил в Московский государственный университет; окончил в 1927 г. В 1930–1931 гг. был директором Научно-исследовательского института абхазского

языка и литературы. Затем работал в Южной Осетии управляющим народного комиссариата финансов (Наркомфин). Был членом ВКП(б). В 1937 г. был репрессирован; мотив ареста – «состоял в организации правых и проводил вредительскую работу», приговор – высшая мера наказания. Реабилитирован в 1989 г.

15 сентября 1937 г. репрессирован был и младший брат Г.К. Берзения – Владимир (Лад) Константинович (дата рождения: 1 января 1899 г., с. Поквеш); приговор – 10 лет. На момент ареста он проживал в г. Гагра.¹

На фото: Герасим Берзения.

На тыльной стороне фото – надпись: «На память любимой сестре Джидже Берзения – от Герасима Берзения – студента 1-го курса Московского Государственного университета. 5/II-1924 г. Г. Москва».

¹ Большой террор в Абхазии (Абхазская АССР): 1937–1938 гг. В 3 т. Т. 1. Council of Europe, 2017. С. 135–136.

ХРОНИКА

В 1982 г., по инициативе тогдашнего руководителя Абхазии Б.В. Адлейба, в Сухуме открыт мемориальный музей Нестора Лакоба. Директором назначена Л.В. Малия.

В 1983 г. в музее торжественно отметили 90-летие Н.А. Лакоба.

В 1992 г. музей разграблен военными Госсвета Грузии.

27 сентября 1993 г. музей подожжен отступавшими грузинскими силами.

28 декабря 2016 г. решением Президента Абхазии Р.Д. Хаджимба воссоздан Историко-мемориальный музей Н.А. Лакоба (постановление Кабинета министров РА № 219). На восстановление в бюджете 2017 г. были предусмотрены соответствующие финансовые средства.

В этот же день президент РА принял участие в церемонии возложения цветов к памятнику Н. Лакоба.

4 октября 2017 г. в Сухуме, в Национальной библиотеке им. И. Папаскир, состоялась презентация трехтомника «Большой террор в Абхазии (Абхазская АССР): 1937–1938 гг.». Проект был осуществлен по инициативе Совета Европы. В издании впервые приводятся многие факты и документы, малоизвестные материалы, редкие фотографии 20–30-х годов XX в., уникальное эпистолярное наследие из личного архива главы правительства Абхазии Н. Лакоба и т.д.

27 марта 2018 г. в Абхазском государственном музее состоялся круглый стол на тему: «Абхазия: трудный путь возрождения», посвященный 125-летию Н. Лакоба и Е. Эшба. Организаторами круглого стола выступили: Историко-мемориальный музей

Н.А. Лакоба; Абхазский государственный музей; Центр стратегических исследований при Президенте РА. На мероприятие были приглашены представители Администрации Президента РА, Парламента РА, Академии наук Абхазии, Абхазского государственного университета, Абхазского института гуманитарных исследований, Абхазского государственного музея, общественности. Круглый стол открыл директор ЦСИ при Президенте РА О.Н. Дамения. С приветственным словом выступил зам. министра культуры и охраны историко-культурного наследия РА Б.С. Кобахия. С докладами выступили: Л.В. Малия – «Об истории создания музея Н. Лакоба»; С.З. Лакоба – «Абхазия, ее лидеры и некоторые особенности социального эксперимента (20–30 гг. XX в.)»; В.Л. Бигэаа – «Е. Ешбеи Н. Лакобеи: агəтахəыцреи агəэхəреи»; Архимандрит Дорофей – «Нестор Лакоба и Новоафонский монастырь»; А.Ф. Авидзба – «Нестор Лакоба и Ефрем Эшба в коллективных представлениях о прошлом»; А.Е. Ашəба – «Е. Ешбеи Н. Лакобеи рполитикатə цстазаареи иахьатəи аамтəи»; С.Ш. Салакая – «Вопросы государственного строительства Абхазии в выступлениях Н. Лакоба»; Р.Х. Агуажба – «Малоизвестные материалы»; О.Н. Дамения – «Возрождение из небытия»; Л.М. Галустян – «Участие армян в политической жизни Абхазии»; Э.П. Козьмиди – «Воспоминания...». В завершение круглого стола выступил советник Президента РА В.К. Зантария на тему: «О роли Н. Лакоба и Е. Эшба в восстановлении абхазской государственности». Своими впечатлениями о прошедшем круглом столе поделился академик АНА О.Х. Бгажба.

2 мая 2018 г. в г. Гудаута было отмечено 125-летие со дня рождения Н.А. Лакоба. У памятника прошел митинг, в котором приняли участие Президент Абхазии Р. Хаджимба, члены правительства, руководители районов, общественность города. Открывший митинг председатель Совета старейшин Гудаутского района С. Чакветадзе обратился от имени общественности к

руководству Абхазии с просьбой установить в центре Гудауты новый памятник Нестору Лакоба, «который соответствовал бы масштабам его личности».

15 мая 2018 г. в Абхазском государственном музее состоялась выставка, посвященная 125-летию Нестора Лакоба. На ней были представлены экспонаты Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба – письма, фотографии, воспоминания о Н. Лакоба. Ряд документов и писем были представлены в подлинниках. На выставке присутствовало руководство республики, ученые, общественность.

В рамках выставки была проведена презентация книги, составленной С.З. Лакоба и А.Я. Дбар – «Дочь за отца... отвечает! (Тайны семейного архива Анатолия Вардания и Вероники фон Белински)», вышедшей в Сухуме в 2018 г. Основу издания составили воспоминания дочери Анатолия Вардания, абхазского государственного деятеля, репрессированного в 1930-е гг., Ирины Вардания – «Слово о моем отце».

7 августа 2019 г. проведен круглый стол «О некоторых аспектах абхазской истории новейшего времени», который состоялся в Сухуме в Национальной библиотеке имени И. Папаскир. Организаторы круглого стола: Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. Гулиа, Историко-мемориальный музей Н. Лакоба, Центр стратегических исследований при Президенте РА. В нем приняли участие: О. Дамения, директор АБИГИ А. Ашуба, зам. директора А. Авидзба, зав. отделом истории О. Бгажба и др. С докладом: «Разгром Абхазского научного общества (АБНО), репрессии против ученых и “археологическая переписка” из Метехского замка (20-30-е гг. XX в.)» выступил С. Лакоба.

Круглый стол был приурочен к предстоящему 100-летию АБНО в 2022 году.

7 декабря 2019 г. в РУСДРАМе состоялся вечер памяти Сарии Лакоба (1904–1939). Он был открыт фотовыставкой в фойе театра, где были представлены фотографии, редкие архивные документы и свидетельства, рассказывающие о жизни Сарии Лакоба. Затем на сцене театра было проведено театрализованное представление, которое воссоздало жизнь Сарии, Нестора и сына Рауфа Лакоба... Прозвучали фрагменты из книги мемуаров «Не могу забыть!» Адиле Аббас-оглы, поэмы С. Липкина «Нестор и Сария», записи О. Мандельштама, М. Шагинян, И. Бабеля и других, кто писал о Сухуме, Сарии и Несторе, свидетельства с допросов, воспоминания сокамерниц Сарии... Автор сценария историк Станислав Лакоба, режиссер Джамбул Жордания. В роли Сарии выступила Милана Ломия, в роли Нестора – Инал Инапха. В успешном проведении мероприятия большая заслуга принадлежит директору РУСДРАМа Ираклию Хинтба.

28 июня 2022 г. в здании Историко-мемориального музея Н. Лакоба состоялась выставка, посвященная 100-летию Рауфа Несторовича Лакоба (6 июня 1922 г. – 28 июля 1941 г.), сына Нестора Лакоба. На выставке присутствовали министр культуры РА Д. Кове, представители творческой и научной интеллигенции Абхазии, политические и общественные деятели. В экспозицию вошли более 30 фотографий семьи Н. Лакоба. Они были развешены на кирпичных стенах в двух залах музея. В память о семье Лакоба были зажжены свечи. Выступили директор Музея Н. Лакоба Людмила Малия, бывший сотрудник Сухумского физико-технического института, инженер Александр Чамагуа, директор Института ботаники АНА Эдуард Губаз, поэт Геннадий Аламия, председатель Совета старейшин Абхазии Аполлон Думаа, дочь абхазского поэта и переводчика Михаила Гочуа Тинатин Го-

чуа. Все выступавшие выражали сожаление по поводу того, что здание музея Лакоба, пострадавшее во время военных действий в 1992–1993 гг., до сих пор не восстановлено. По мнению ряда выступавших, музей Н. Лакоба должен быть восстановлен на народные пожертвования. Также было предложено установить в Сухуме памятник Сарии Лакоба.

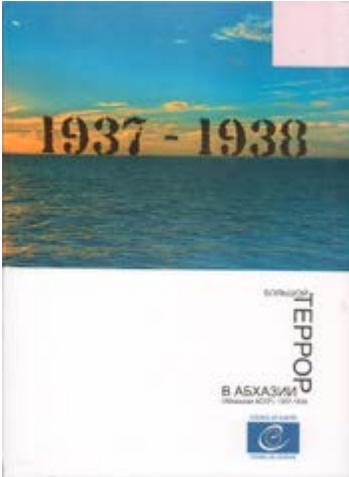
В июле 2022 г. госкомпания «Абхазстрой», по поручению премьер-министра А.З. Анкваб, приступила к проведению работ по восстановлению Музея Нестора Лакоба. Проект восстановления музея был разработан еще в 2012 г. и до конца текущего года строители должны завершить этот объект. После капитального ремонта, будет реализован дизайн-проект. На втором этаже планируется расположить четыре экспозиционных зала с экспонатами, связанными с жизнью и деятельностью Н. Лакоба, а на первом этаже будет хранилище, администрация, зал на 40 мест. Всего на восстановление Музея Н. Лакоба выделено 13 миллионов рублей.

9 июля 2022 г. в Сухуме скончался Якуб Васильевич Лакоба – юрист, правозащитник, видный общественный и политический деятель, лидер Народной партии Абхазии, кавалер ордена «Ахьдз-Апша» III степени. Я. Лакоба был внуком абхазского революционера Василия Лакоба (1897–1937), одного из организаторов революционной дружины «Киараз». Родился в 1949 г. в Новом Афоне. Окончил юридический факультет МГУ. В 1972–1982 гг. работал в Президиуме Верховного Совета Абхазии, а затем (до 1999 г.) – старшим преподавателем кафедры теории, истории государственного и административного права юридического факультета АГУ. Во время Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. был заместителем председателя Комитета Общества

Красного Креста Абхазии по внешним связям и праву. В 1999–2022 гг. – Председатель Политсовета Народной партии Абхазии. В 2004 г. выдвигался на пост президента Абхазии.

30 октября 2022 г. в Сухуме отметили День памяти жертв политических репрессий. К памятнику жертвам политических репрессий возложили цветы Президент Абхазии А. Бжания, вице-президент Б. Гунба, члены правительства, родные и близкие репрессированных, представители общественности.

НОВЫЕ КНИГИ

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР В АБХАЗИИ (АБХАЗСКАЯ АССР): 1937–1938 гг.

В 3 томах. Council of Europe, 2017.

В издании впервые приводятся многие факты и документы, малоизвестные материалы, редкие фотографии 20–30-х гг. XX в.

Том I. 402 с. Том II. 347 с. Том III. Каталог. 118 с.

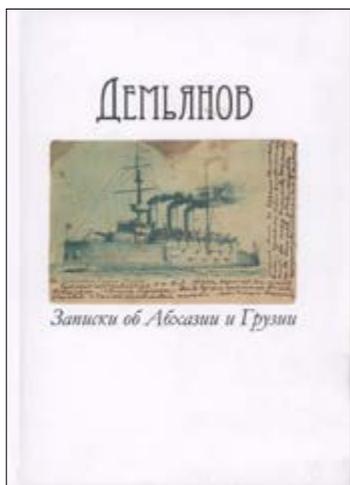

ДОЧЬ ЗА ОТЦА... ОТВЕЧАЕТ! (ТАЙНЫ СЕМЕЙНОГО АРХИВА АНАТОЛИЯ ВАРДАНИЯ И ВЕРОНИКИ ФОН БЕЛИНСКИ).

*Сост.: С. Лакоба, А. Дбар.
Сухум, 2018. 61 с. Тираж 300.*

Сборник, основанный на материалах семейного архива опаленного трагическими событиями Большого террора в Абхазии. Документы, фотографии 30-х гг. XX века — яркое свидетельство того времени, дыхание

эпохи, коснувшейся миллионов советских граждан. Основа сборника: воспоминания Ирины Вардания, дочери репрессированного в 1937 г. Анатолия Вардания, работавшего, перед арестом, наркомом местной промышленности Абхазской АССР.

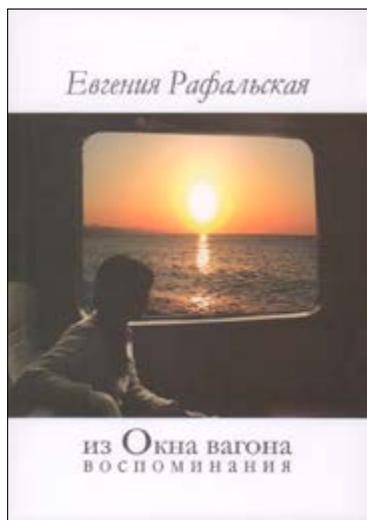
**А.А. ДЕМЬЯНОВ. ЗАПИСКИ ОБ
АБХАЗИИ И ГРУЗИИ
(1918–1921 гг.)**

Сост.: С.З. Лакоба.

Сухум: Дом печати, 2021. 184 с. Тираж 500 экз. СЕРИЯ: Неизвестная Абхазия. XX век. № 1.

Автором воспоминаний «В Абхазии и Грузинской социалистической Республике» (Константинополь, 1921) является известный политический и государственный деятель России, депутат II Государственной думы (1907), видный юрист, руководитель Министерства юстиции Временного правительства (1917) Александр Алексеевич Демьянов (1865–1925). После прихода к власти большевиков он уезжает из Петрограда на Кавказ. С января 1918 г. по ноябрь 1919 г. вместе с семьей проживает в Сухуме, занимается адвокатской практикой, избирается депутатом Абхазского Народного Совета, отстаивает интересы небольшой страны, подвергает резкой критике политику Грузинской демократической республики в отношении многонациональной Абхазии, в связи с чем арестовывается и высылается...

В воспоминаниях А. Демьянова читатель найдет много интересного, неожиданного. Они были написаны автором ровно 100 лет назад и сохранились в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Знаменательно, что именно сейчас появилась возможность опубликовать исторические записки – бесценные свидетельства очевидца и участника эпохальных событий переломного для всего Закавказья и России периода.

**Е.Б. РАФАЛЬСКАЯ.
ИЗ ОКНА ВАГОНА:
ВОСПОМИНАНИЯ.**

Сост.: С.З. Лакоба.

Сухум, 2021. 188 с. Тираж 300. СЕРИЯ: Неизвестная Абхазия. XX век. № 2.

Воспоминания Евгении Борисовны Рафальской (1893–1988) «Из окна вагона» представляют собой не полную версию, а фрагменты, связанные с ее жизнью в Сухуме в разные годы,

в том числе в периоды бурных революционных событий и войн. Они были завершены автором в возрасте почти 90 лет.

Рафальская была дочерью известного сухумского адвоката, активного участника революционного движения в Абхазии в 1905 г. Бориса Николаевича Захарова – племянника легендарного Германа Лопатина.

В разное время Е.Б. Захарова-Рафальская жила, училась и работала в Швейцарии, Германии, России. После окончания Высшего литературно-художественного института в Москве в 1925 г. занималась переводческой деятельностью.

Предлагаемые воспоминания написаны талантливым литератором, журналистом, и читатели найдут в них немало интересного.

Они хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства.

АБНО И ЕГО РАЗГРОМ (1922–1931 гг.).

Сост: С.З. Лакоба, А.Я. Дбар.

Сухум: Дом печати, 2021. 296 с. Тираж 300. СЕРИЯ: Неизвестная Абхазия. XX век. № 3.

Сборник посвящен Абхазскому Научному Обществу (АБНО), которое активно функционировало с 1922 по 1931 г. При поддержке Председателя Совнаркома ССР Абхазии Н.А. Лакоба АБНО основали яркие личности – Г.А. Фальборк и Г.П. Барач. Представители этой научной организации провели ряд крупных региональных съездов краеведения (Кавказ и Черноморское побережье), были приглашены на празднование 200-летия Российской академии наук (1925) в Ленинграде и Москве, поддерживали контакты с десятками зарубежных научных центров и библиотек. АБНО представляли историки, археологи, географы, ботаники, зоологи, медики, физики, геологи, лингвисты и др. При организации работали музей и библиотека, секция абхазоведения, издавались «Бюллетень», «Известия», «Труды». Авторами этих редких изданий были В. Стражев, М. Иващенко, С. Басария, Д. Гулиа, В. Малеев, Ю. Воронов, А. Башкиров, С. Ашхацава и др. Впервые читатели могут ознакомиться (почти в полном объеме) с информацией о печатных изданиях АБНО.

В 1931 г. общественная научная организация подверглась репрессиям и после ликвидации ССР Абхазии прекратила свое существование по политическим соображениям. Долгое время само название АБНО было под запретом, а его работа замалчивалась.

Издание приурочено к предстоящему 100-летию юбилею АБНО.

ФОТОАРХИВ

Фрагмент неосуществленного проекта 1980-х гг. Памятник Нестору Лакоба. Автор – Геннадий Лакоба

Фотография Н.А. Лакоба 1930-х гг. Автор – М.С. Наппельбаум

Моисей Соломонович Наппельбаум (1869–1958) – известный российский и советский фотомастер; прославился тем, что создал оригинальную творческую манеру исполнения студийного фотопортрета. Автор фотопортретов В. Ленина, Л. Троцкого, И. Сталина, Ф. Дзержинского, А. Блока, Б. Пастернака, О. Мандельштама и многих других.

НЕСТОР

Альманах
№ 1

Верстка – С.И. Садзба
Обложка – А.З. Лабахуа

Фото на обложке:

В 1933–1935 гг. в Сухуме построена гостиница «Абхазия»
(архитекторы А.В. Шуко и В.Г. Гельфрейх)
и высажена аллея пальм «Вашингтония»

Формат 60x90 1/16
Тираж 50 экз.